

современный любовный роман

Виктория
Волкова

Поручет!

Виктория Борисовна Волкова

Спору нет!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67614506

Спору нет!:

Аннотация

Когда на кону стоит квартира в самом центре города, становится не до сантиментов. Ни ей, ни ему. Объявляется холивар! Без пощады и правил. Пока оба не попадут в плен собственных чувств, пока холодные души не согреет любовь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	67
Глава 6	81
Глава 7	95
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Виктория Волкова

Спору нет!

Пролог

Снег, лежащий шапками на вершинах, заботливо укутывал сопки. Пар гейзеров поднимался из ущелий и зыбким маревом просачивался по долине. Величественная картина. Денис Цесаркин поднялся на самую высокую сопку и почувствовал, как дух захватывает от восторга. Стоило, ей-богу стоило бросить все к чертям собачьим и приехать на Камчатку. Хотелось закричать со всей дури. И он уже кашлянул, прочищая горло для громкого утробного рыка, но в этот момент в кармане запищал сотовый. Проклятье, появился доступ к сети на самой высокой точке.

– Да, мам, – протянул он в трубку, пытаясь сохранить элементарную вежливость. – Привет.

Из динамика послышались причитания, крик, а затем и плач. Впрочем, как и всегда, любые разговоры заканчивались склокой. Но в этот раз он и слова не произнес. Не успел.

– Подожди, – спокойно прервал он маменькины вопли. – Ничего не пойму, что случилось?

Он бросил взгляд в сторону своих товарищей, вслед за ним поднявшихся на обзорную площадку. Кое-кто косил-

ся неприязненно, а кто-то разглядывал с любопытством. И лишь одна Санька взирала жалостливо и заботливо.

«Ну вот опять, – красноречиво говорил ее взгляд. – Нигде тебе, Денчик, не укрыться от своей семьи».

– Я ж тебе и говорю! – взвилась мать в трубке. – Мы к нотариусу пришли, чтобы дедушкино наследство оформить, а ничего нет, представляешь? Нам ничего не полагается! Нам, его дочерям!

– Почему так? – удивился Денис, прекрасно зная, что других наследников у деда нет. – Он квартиру продал, что ли?

– Если бы, – застонала мать в трубку. – Он женился! Сразу, как бабушка умерла! И теперь эта гадина, его жена, наследует все! А мы с Юлькой можем идти на паперть!

Денису хотелось уточнить, что дед еще при своей жизни каждой дочери помог построить дом и купить машину, но на квартиру-то тоже рассчитывали. В самом центре города, в роскошном особняке послевоенной постройки. Дом с колоннами и барельефами. И сама квартира – шесть комнат и три балкона – представляла великую ценность. Цесаркину приходилось неоднократно слышал, как мать с сестрой под рюмочку делят свое будущее наследство.

– Еще полгода со дня смерти не прошло, можно оспорить, – попытался он успокоить мать. – Я вернусь...

– Господи, ты как не слышишь меня! – взмолилась мать. – Он же-ни-лся! Понимаешь? И жена – наследница первой очереди, а мы так... погулять вышли!

– Мам, – Цесаркин снова постарался взять инициативу в разговоре. – Мам, я приеду, разберемся...

– Я хочу, чтобы ты немедленно вернулся в город и поднял связи. Моего отца опутала какая-то мошенница. Нужно завести уголовное дело и засадить эту мерзавку! Напиши заявление, мы с Юлькой подпишем и на этой неделе подадим в полицию. Давай завтра встретимся...

– Мам, я на Камчатке, – успел вставить фразу Денис. – Вернусь только через две недели...

– Ну, конечно, – истерично хмыкнула мать. – На Камчатке! Почему, когда в семье большие проблемы, ты сбегаешь?

Он только открыл рот, чтобы опровергнуть каждое слово этой нелепой лжи, как в трубке пошли гудки отбоя.

«Вот и славненько», – про себя пробормотал Денис и быстро набрал эсэмэску старшему брату:

«Что там случилось, бро? На ком женился наш дед? Найди инфу на дамочку».

Он перевел взгляд на сопки, на небо, полное кудлатых облаков, и постарался отвлечься от дурных новостей.

«Не забыть бы выключить сотовый», – в сердцах напомнил он сам себе, и телефон тут же завибрировал, напоминая хозяину о пришедшем сообщении.

«Нина Александровна Тарантуль, 35 лет, работает коммерческим директором, воспитывает сына 7 лет, брак с дедом оформлен 3 года назад».

Денис на автомате отправил эсэмэску товарищу по уни-

верситету, приписав от себя:

«Кирилл, пробей мне эту гражданку. Буду должен».

«Все, – приказал он сам себе. – Теперь отдых. Смотри по сторонам, вдыхай воздух таинственной Камчатки».

Но восторг от увиденного куда-то испарился, а радость иссякла.

«Что же получается? – мысленно поинтересовался Цесаркин. – Дедок-то наш, праведник хренов, женился на молодойке в год, когда умерла бабушка? Вот же рог моржовый!»

Нина брела среди прилавков и терпеливо слушала нытье сына.

– Мам, – ныл Ромка. – Купи мороженое! А когда мы на море пойдем? Мам! Ну мам!

– Я предлагала тебе остаться с Аржановскими. Сейчас бы играл на пляже. Ты сам не захотел, – серьезно заметила Нина, не любившая сюсюканье.

– Мне с ними скучно! С тобой хочу!

– А я давно мечтала здесь погулять...

– Среди всякого старья? Ну пойдем отсюда, мам! Мы уже нагулялись, – и запрыгал от нетерпения.

Нина с грустью осмотрела огромный блошинный рынок, расположившийся в Пьяцца Марина, и тяжело вздохнула.

– Старье, говоришь? – пробормотала она чуть слышно и повернула к выходу, не в силах объяснить, что среди этого богатства она готова бродить до самого вечера. Рассматри-

вать старинные печати, листать потрепанные книжки у букинистов. Можно ничего не покупать, а лишь вдыхать запах истории, трепетно притрагиваться ладонью к случайно уцелевшей живой памяти.

– Ладно, уговорил, – пробормотала Нина, прекрасно понимая, что сын не даст ей насладиться походом на барахолку. – Пойдем есть мороженое.

А про себя решила, что придет завтра утром сама и побродит в одиночестве.

Ромка повеселел и уже предвкушал, как через несколько минут они купят мороженое на площади. Джеллатто! Самое вкусное мороженое в мире.

Но уже около самого выхода она притормозила, а потом уж и подавно застыла на месте... Небольшая лакированная шкатулка-комод, украшенная замысловатой инкрустацией и резьбой. Нина поняла, что влюбилась с первого взгляда. Невозможно пройти мимо, и никогда не забыть.

– Кванта коста? – поинтересовалась она у миниатюрной старушки-итальянки, одетой в черное и с седой дулькой на затылке. Хозяйка шкатулки внимательно посмотрела на саму Нину, перевела взгляд на Ромку. Улыбнулась радостно и подмигнула мальчику.

– Сто евро, – назначила цену, перемежая английские и итальянские слова.

Шкатулка явно стоила дороже. Поэтому, не торгуясь, Нина кивнула и тут же принялась рыться в кошельке. Но денег

под расчет не нашла. Пришлось достать двести евро. Надеюсь, что у старушки найдется сдача, Нина протянула купюру. Бабулька запричитала и что-то залопотала по-своему, но Нина не поняла ни словечка. Зато догадалась, что у хозяйки просто нет денег.

– Она предлагает вам взять еще что-нибудь, – перевел проходивший мимо турист.

Нина растерянно осмотрела весь скарб, лежавший на прилавке: старый фотоаппарат, тарелки с трещинами, аляповатый морской пейзаж в кривой рамке и вазу цветного стекла с мутными узорами.

– Вазу, – нетерпеливо предложила она. – Я возьму вазу!

Старуха улыбнулась и, приложив пальцы к губам, радостно причмокнула.

– Брависсимо, сеньора! – улыбнулась она, торопливо засовывая удачно сбагренное барахло в объемные черные пакеты, оказавшиеся невероятно тяжелыми. Взмахнув рукой, Нина остановила такси, выкрикнула название отеля и, засунув в машину понурого Ромку, уселась рядом, бережно прижимая к груди драгоценные покупки.

Глава 1

– Да вы бы видели, как мы проходили таможеню! – вскинулась коротко стриженная брюнетка. – Арахна опять накупила всякого барахла у местных сумасшедших. И мы замерли в ожидании шоу. Ну как в Барселоне...

– Да ладно, Настя! – перебила Нина. – Все же обошлось. И в Барселоне, и в Палермо.

– Ну как обошлось, – хохотнула Настя. – В Барселоне вызвали эксперта и продержали тебя до самого вылета.

– Поэтому в Палермо я подстраховалась, – хмыкнула Нина, и ее слова утонули в дружном хохоте.

Человек за соседним столом бросил взгляд на ту, что называли Арахной.

Не красавица, но очень хорошенькая блондинка. И, вопреки расхожим суждениям и анекдотам, он пару раз наткнулся на пронизательный взгляд умных глаз. Черное платье выигрышно обтягивало фигуру. Пришлось даже мысленно пожалеть несчастного таможенника, представив дамочку в белой майке с глубоким декольте. И стрингах.

«Фу ты ну ты, море ясное! – раздраженно подумал Денис Цесаркин, притаившийся в тени огромного фикуса. – Чем бы еще заняться вечером пятницы, как не раздевать взглядом „бабулю“ и слушать дурацкие разговоры ее подруг».

Прошедший месяц ничего не прояснил ни с наследством,

ни с обстоятельствами женитьбы деда. Всю нужную информацию Денис получил еще на Камчатке и, сумрачно вглядываясь в алые полосы заката на Толбачике, листал в ноуте отчет Кирилла. Добропорядочная гражданка, нигде не подкапашься! Живет с сыном в двухкомнатной квартире, доставшейся ей после развода с первым мужем, родители остались в Тарнаусе, маленьком городке неподалеку. Там же Нина Тарантуль выросла, закончила школу и вышла замуж за местного, родила ребенка. Даже учась в университете, умудрялась жить дома, а не в общежитии. Любит печь пироги, интересуется искусством, курит... Но за это не привлекают. Даже самым фактом соблазнения пожилого человека никого сейчас не удивишь. Именитые актеры и композиторы, певцы и режиссеры. А чем же плох доктор наук, профессор Иван Алексеевич Крутояров? Тоже в модной струе оказался. В полиции даже слушать не захотели. Поэтому пришлось самому вступать в борьбу. Для начала с помощью друзей удалось взломать страницу «Вконтакте». Оттуда и стало известно место и время девичника.

– Так вот, – продолжала Настя. – Мы с Элкой сразу предупредили: давай в этот раз без происшествий. Короче, нам уезжать, все собрались в холле гостиницы, только Нина с Ромкой задерживаются. В отеле столпотворение. Немцы, итальянцы. И тут открываются дверцы лифта и появляется Арахна. Та-да-ам! Майка на тонких бретельках и декольте до пупа. Легли все! Несколько голландцев сразу превратились

в соляные столбы. Немцев жены под руки уводили. Водитель дорогой еле справился с управлением, все пялился в зеркало заднего вида. А потом и таможенникам досталось. Первый выпучил глаза и молча отошел в сторону...

– Аж перекрестился украдкой, – встряла в разговор платиновая блондинка.

– Он в паспорте прочел мою фамилию как Тарантул и отскочил в шоке. Думал, что я его укушу прямо в зоне досмотра. А вот второй уже растекся лужицей.

– Так или иначе, но декольте сработало на отлично, – снова принялась рассказывать брюнетка. – Мужик на лицо уже не смотрел, понимаете?

Остальная компания, кивнув, расхохоталась.

– На багаж тоже.

– Что и требовалось! – смеясь, фыркнула Нина, закинув ногу за ногу и болтая красной туфлей с огромной шпилькой.

Денис, как замороженный, уставился на высокий подъем и круглую идеальную пятку.

– А хоть мужик ничего? – подал голос кто-то из девиц.

– Кто? – уточнила Нина пренебрежительно. – Таможенник, что ли?

– Ну да, – хором подхватили подруги.

– Маленький, ростом с сидячую собаку. Мне по пояс, – рассмеялась Нина. – Весь потный, взгляд сальный. – Она, деланно содрогнувшись, сморщила нос.

Денис почувствовал приступ злости.

«Охотница за головами и скальпами, мать вашу. Для любой ничтожной выгоды пытается кого-то соблазнить. Где же ты, деда Ваня, повстречал эту крокодилицу? Обвела она тебя вокруг пальца. Как таможенника, сантехника или садовника».

Он снова искоса глянул в сторону развеселой компании. Официант с большого подноса деловито выставлял на столе закуски и основное блюдо с горкой шашлыка. Шутя по-свойски, разлил вино по бокалам.

Девицы одновременно накинулись на мясо, растащив все куски по тарелкам. А «бабуля», отрезав большой кусок, впилась в него зубами.

– Как это можно есть? – поморщилась Санька, проповедующая веганство. – Сплошные канцерогены, брр... Поедательницы трупов, какой ужас! Даже смотреть тошно.

– Да, малыш, – пробормотал Денис. – Самому противно.

И повернулся к девицам спиной, дабы случайно не выдать свои чувства. А когда снова воззрился на развеселую компанию, Нина Тарантуль прямо руками доставала с подноса ломтики маринованного лука.

– Первобытные существа, – прошипела Санька, раздраженно рассматривая «бабулю» и ее подруг.

– Ну-ну, зая, – постарался успокоить ее Денис. – Не обращай внимания. – Он, обняв любимую за плечи, поцеловал в висок. Санька уставилась на него раскосыми карими глазами и, отбросив назад иссиня-черные волосы, с детской непо-

средственностью поинтересовалась:

– Денечка, а что такое «Арахна»?

– Паук в переводе с латыни, – тут же объяснил Цесаркин, в который раз поражаясь Санькиной дремучести. Сколько бы он ни заводился и ни объяснял дорогой девочке, что нужно читать книги, в ответ всегда получал убийственную фразу:

– Мне не мешает!

За то время, что они жили вместе, а это без малого год, Александра не прочла ни одной книги, не посмотрела ни одного познавательного фильма. Зато увлекалась йогой, медитировала, ела сырые овощи и фрукты. Да и Дениса подсадила на веганство. Впрочем, в последнем он и сам не видел ничего плохого.

– Ручки-ножки стали зябнуть, не пора ли нам дерябнуть? – раздалось от соседнего стола.

И пять рук потянулись друг к другу бокалами.

– За нас красивых, за них богатых, – проскрежетала толстая бабенка, сидевшая в самом углу и не замеченная Денисом раньше.

Он почувствовал, как теряет терпение.

– Отвратительные бабы, – пробормотала Санька. – Ужасно вульгарные! Ни стыда, ни совести. Давай уйдем?

Но Денис мотнул головой.

– Подожди минутку, – пробормотал он и снова устался на «бабулину» точеную ногу, слегка раскачивающую вишащую на носке туфлю. Шпилька, как маятник, ходила из

стороны в сторону. – Врага нужно знать в лицо, – объяснил он Саньке затянувшуюся паузу и, почувствовав, как останавливается дыхание, резко встал и отправился к витрине с пирожными.

– Без глютена и лактозы есть что-нибудь? – поинтересовался хрипло и, чтобы отвести взгляд, прилипший к ненавистной ноге и шпильке, уставился на суфле, обильно украшенное глянцевыми вишнями. Красиво!

Почувствовал, как набухло в горле. Да и не только там.

«Святые яйца бабуина, что ж это делается», – сам себя обругал Цесаркин за такую реакцию организма и, расплатившись за странный морковный десерт, вернулся к Саньке.

«Бабуля» не обратила на него никакого внимания. Все так же заливисто смеялась с подругами и болтала ногой. А потом вообще туфли скинула. Так и валялись они под стулом, напоминая Денису красные бакены, плавающие в море недалеко от берега.

«Осторожно, за буйки не заплывать!» – строго подсказал внутренний голос, только кто б его слушал.

– Мужик с тебя глаз не сводит, – пробормотала Элка, кивая на высокого крепкого шатена с аккуратной бородкой, зависающего около витрины с десертами. – Как у тебя получается?

– Да я ничего не делаю, – возмутилась Нина. – Даже не заметила ничего! – Она, искоса глянув в сторону Цесаркина, поморщилась. – Гнусь какая-то.

– Вроде ничего мужик. Весь такой спортивный, интеллигентный. Тебе бы подошел, – пробормотала подружка.

Нина резко мотнула головой в сторону.

– Почему нет? – удивилась Элка.

– По определению, – задумчиво прошептала Нина. – Человек пригласил свою девушку в ресторан, а сам весь вечер пьется на нас. Подонок...

Уже поздно вечером, в такси, Элка воззрилась на нее пьяненькими глазками и, обдавая винными парами, поинтересовалась:

– Что происходит, Нинуль? Ты вся на нервах.

– Все нормально, – отмахнулась Нина.

– Глаза печальные, – задумчиво пробормотала Элка, подружка с детского сада. – Сильная ты. Я так не могу, вот бросил меня Артем, до сих пор ночами реву.

– МРОТ мне в рот, – выругалась Нина. – Пойдем, исцелю тебя. – И потащила брыкающуюся Элку из остановившейся у подъезда машины.

– Эй, девочки, а как же Тарнаус? – обалдело поинтересовался таксист.

– Передумали, дядя, – хмыкнула Нина. Водитель, тяжело вздохнув, принялся искать новый заказ.

– Это хорошо, что ты меня оставила, – скулила в лифте Элка. – Я тебе на уши присесть не буду... Мне просто так горько одной в пустую квартиру возвращаться.

– У меня бутылка коньяка. «Отард» называется. У него цена как городской номер телефона.

– А зачем такой дорогой покупала? – не поняла Элка.

– Клиент подарил. Сейчас выпьем, все проблемы испарятся и жизнь заиграет новыми красками. Гарантирую, – хмыкнула Нина, доставая ключи от квартиры. И остановилась как вкопанная. В углу, около соседней квартиры, поджав куцый огузок, сидела Фиби. Самый маленький из йоркширских терьеров. И дрожала, словно под током. Нина подхватила любимую собаку, не понимая, как та выбралась из закрытой квартиры.

«Наверное, незаметно выбежала, когда я уходила, – подумала она и тут же одернула себя. – Не может быть!»

И одновременно с Элкой заметила приоткрытую дверь в тамбур.

– Не ходи туда, – жалобно проблеяла подружка. У Нины еще теплилась надежда, что приходил Ромкин отец поменять розетки и случайно выпустил Фиби.

– Ерунда, – фыркнула громко и с порога уставилась на распахнутую дверь в квартиру.

Даже с лестничной площадки виднелись вываленные вещи вперемешку с распоротыми подушками и битой посудой. Нина перевела взгляд влево на шкаф-купе с зеркальными дверями. Одна створка отломанной валялась сбоку, а вот в другой, сиротливо стоящей посередине шкафа, отражалась темная коренастая фигура. Кто-то с нескрываемой злобой

выбрасывал детские вещи и игрушки из Ромкиного шкафчика.

На мгновенье Нина застыла на месте.

– Бежим, – прошептала вдруг протрезвевшая Элка и, схватив подругу за руку, бросилась к лифту. Благо тот в поздний час никому не понадобился. Такси все еще стояло во дворе. Видимо, за прошедшие пять минут водитель так и не нашел выгодный заказ. Сил хватило только распахнуть дверь и плюхнуться на сиденье.

– В Тарнаус, – выдохнула Элка. – Быстрее.

– Что, передумали, девочки? – улыбнулся таксист.

– Ага, – хором заверили пассажирки и замолчали.

– Вы что, собаку украли? – хохотнул таксист. Но его ответом не удостоили.

Нина чмокнула Фибку в темечко, а та попыталась забраться хозяйке под пиджак. Но теплая ладонь хозяйки прошлась медленно по собачьей спинке. И малышка успокоилась.

– Ты хоть понимаешь, что происходит? – прошептала Элка, когда машина вывернула на трассу.

– Конечно, – раздраженно бросила Нина. – Это родственники Ивана Алексеевича мстят. Он предупреждал, что придется нелегко, но я и не думала, что они опустятся до такой низости.

– Твари, – рубанула Элка. – Нужно полицию вызвать.

– Завтра, – буркнула Нина и, понимая, что поздним приходом только перебудит родителей и сына, добавила: – Я пе-

реночую у тебя, не хочу своих среди ночи беспокоить.

– Конечно, – тут же согласилась Элка. – Коньяка с эффектом радуги у меня нет, зато дяди Васина самогонка имеется.

Почти до рассвета они просидели на кухне, тщетно пытаюсь понять, зачем врываться в чужую квартиру и там устраивать погром.

– Хоть бы детские вещи пожалели, – тяжело вздохнула Нина и в изнеможении опустила голову на руки. Тотчас к ней прилезла Фиби, решив лизнуть хозяйку в лицо.

Нина отмахнулась от нее и попробовала спустить собаку с колен. Но та заскулила и сидеть на полу не пожелала.

– А знаешь, – вдруг вскинулась Нина. – На первый взгляд, семейство Крутояровых очень приличное. Интелли-гентное, – закашлялась она. – А на деле оказались хуже бандитов.

– Я не понимаю, зачем все громить? – ужаснулась Элка, накрыв пухлые щеки не менее пухлыми ладонями.

– Акция устрашения, – хмыкнула Нина. – Пытаются так надавить на меня. Думают, я испугаюсь и перепишу на них квартиру.

– А ты?

– Квартира на Московской принадлежит мне по праву. Точка, – твердо заявила Нина. – Пусть попробуют сунуться. Дадим отпор!

– Отомстим за погром! – пьяно хохотнула Элка.

– Нет, – покачала головой Нина. – Нужно убедиться, что это дело рук Крутояровых.

– Но...

– Пойми, Элка, вариантов множество. Могли подростки пробраться в квартиру, или воры что-то искали и не нашли. Говорят, они так делают, – всплакнула Нина. – Но я ставлю на семейство Ивана Алексеевича. Только дождусь следующего раза. Тогда станет понятно, совпадение или нападение. – Она нервно хохотнула и уставилась на подругу. – Ты меня знаешь, Элка, я без боя не дамся!

Подружка разлила по рюмкам мутную жидкость.

– Давай, за победу! – прошептала она заговорщицки. А потом затыкнула в голос:

– Вставай, страна огромная...

Нина бросилась подпевать, испугав Фиби. Собака наконец соскочила с колен и ушла в коридор на постилку, где без задних ног дрых Элкин ротвейлер Джон.

Элкин Джон. Еще полгода назад казалось смешно, а сейчас – нет.

Нина, споткнувшись на полуслове, разрыдалась.

– Не реви, рыба моя, – пробормотала сердобольная Элка и, обняв подругу, разревелась сама.

Вернувшись домой, Денис сразу же позвонил старшему брату.

– Костик, нужно что-то делать с этой алчной шукой! Дамочка точно охмурила нашего деда. У меня теперь сомнений не осталось.

– Не переживай, малыш, – хохотнул Костя. – Пока ты ножками по Камчатке сучил, твой большой брат принял меры.

– Какие? – напрягся Денис.

– Ты не хочешь этого знать, – буркнул брат.

– Помни об Уголовном кодексе, бро, – хмыкнул Денис. –

Это я тебе как юрист напоминаю.

– Небольшая акция устрашения не помешает, – хохотнул Костя. – Чтобы «бабушка» на лаврах не почивала. Глядишь, и вернет награбленное.

– Нет. Даже не надейся, – осадил брата Денис. – Хотя попробуй к ней подкатить. Она уверена в своей неотразимости. Марго Робби, мать твою!

– А кстати, похожа, – нехотя признал брат и тут же проворчал: – Идея хорошая, и я – мастер пикапа, но она меня в лицо знает. Я же к ней в офис приезжал.

Денис сдержался, чтобы не выругаться. В офис приезжал – мягко сказано. Костик, как торнадо, ворвался в кабинет к Арахне и устроил там скандал. А она посмотрела на него большими зелеными глазами и, не вымолвив ни слова, вызвала охрану, сдавшую большого брата в полицию.

– А ты не хочешь попробовать, малыш? – пропел Костя. – Она тебя в глаза не видела. И может, вообще не знает о твоём существовании.

– Ты чего? Я пас, – тут же пошел на попятную Денис.

– Твоя маленькая дурочка ничего не узнает и даже не догадается, – продолжал гнуть свое брат.

– Я подумаю, – перебил Денис и нажал на кнопку отбоя. Он долго ворочался от бессонницы.

– Выпей воды с медом, – сквозь сон посоветовала Санька.

Но и это снадобье не помогло. Засыпая, Цесаркин снова и снова видел тонкие точеные щиколотки и ступни с высоким подъемом. Он скользил ладонью вверх и тут же просыпался, ругая себя последними словами. Денис сел на кровати, потер голову, пытаясь отогнать навязчивые думки. И поймал сам себя на мысли, что никогда не придавал Санькиным ножкам такое значение. Намереваясь их поцеловать, он метнулся к дальней стороне кровати и, предвкушая легкое безумство, бережно приподнял покрывало. Но плоскостопие и маленький размер сделали ступни любимой похожими на косые чурбачки, словно у хоббита.

– Ты чего, Денечка? – пробормотала Александра, проснувшись.

– Ты раскрылась, я укутал ноги, – тут же нашелся Денис и, обняв Саньку, принялся размышлять о своем везении. Когда тебя любят просто так, без всякого расчета и стяжательства.

Глава 2

Нина снова мысленно стояла на пороге своей разгромленной квартиры и в который раз ругала себя, что струсила и не вошла внутрь.

«Почему сбежала? Почему не вызвала сразу полицию? Испугалась, что попадется кое-кто из новых родственников?»

Она вспомнила, как отъезжая, глянула на окна своей квартиры. На кухне и в детской горел свет. «Ничего не боитесь и страху не ведаете? – мысленно обратилась она к семейке деда Вани. – Ну погодите! Больше я вам спуска не дам!»

Когда к ней под бок пришла Фиби, Нина принялась размышлять, что делать дальше с разгромленной квартирой. Снова ремонтировать? Игрушки Ромке купить новые, чтобы не заметил пропажу? Или все-таки рассказать? Придумать версию про бурю или страшную драку Бэтмена с Терминатором? От горьких мыслей ее отвлек храп. Фиби, маленькая тщедушная собачка, храпела, как здоровенный мужик. Хозяйка усмехнулась и переложила собаку в ноги. Сразу сделалось тепло и уютно, словно Нина оказалась в полной безопасности. Она бросила взгляд на окно, где уже забрезжил рассвет и, уткнувшись в подушку, провалилась в тревожный короткий сон. А очнулась от того, что кто-то водил слюнявым языком по ее носу. Поморщившись от досады, Нина по-

щупала рукой в изголовье и привычным движением убрала с подушки собаку. И тут ощутила, что ей в ребра упирается чья-то сильная спина, больно давя на позвоночник. Она замерла, пытаясь вспомнить, с кем собственно уснула вчера в одной кровати. А ни с кем! С того самого момента, как развелась с Мишкой. Ни-ко-го! Да и заночевала она у Элки. Нина постаралась повернуться и посмотреть, кто же примостился рядом. Но сзади послышалось утробное рычание.

– Джон, – фыркнула она, сталкивая собаку с дивана. – Тебя еще тут не хватало.

Элкин Джон зевнул протяжно, оглашая окрестности низким ревом, и потащился к себе на половик. Следом, спрыгнув с дивана словно горная коза, потрусил верная Фиби.

На шум из своей спальни притащилась заспанная Элка.

– А чего ты возмущаешься? – удивилась она, убирая с лица спутанные пряди. – Джоник всегда на этом диване спит.

– Ты постелила мне на собачьем месте? – оскорбилась Нина. – Уж лучше тогда на коврик в прихожей...

– Это диван для гостей. А когда он свободен, там спит Джонни. Я его уже гонять устала.

Нина в изумлении уставилась на подругу.

– Тебя бы саму кто погонял, – пробормотала она, вставая.

– Сейчас овсянку кипятком залью, подтягивайся на кухню, – велела Элка и гордо удалилась.

Нина собиралась сразу пойти к своим, благо родители живут в доме напротив. А там мама уже напекла оладьи и па-

па по случаю выходного дня варит кофе. Она словно почувствовала густой аромат арабики и решила прощаться с Элкой, как на столе зазвонил сотовый.

– Нина Александровна, – бодро поздоровался незнакомый мужчина. – Пост охраны беспокоит...

Она вошла на кухню и сразу рухнула на первый попавшийся стул, потянулась к полупустой пачке сигарет, но из-за дрожащих пальцев не смогла прикурить.

– Что случилось? – изумленно уставилась на нее Эллка, потом подхватила с места, накапала в стакан валерьянки, заставила выпить.

– Звонили с работы. Этой ночью неизвестные разгромили мой кабинет. Разбили монитор и выломали жесткий диск.

– Что же теперь делать? – растерянно пробормотала подруга.

– Сейчас поеду в офис, потом в полицию, подам заявление, – поморщилась Нина. – Ничего никому прощать не собираюсь. Это точно не подростки, не воры. Остается семейка Адамс.

В кабинете творилось что-то невообразимое. На полу вперемешку валялись документы, сброшенные с рабочего стола чьей-то равнодушной рукой. Нина аккуратно переступила через монитор с отбитой подставкой и в немом изумлении уставилась на пустые горшки Лечуза с выпотрошенным содержимым. От вида поломанных цветов хотелось зареветь во все горло. Но она крепко сжала кулаки – аж почувствовала,

как ногти впиваются в ладони. И перевела взгляд в дальний угол, где валялись покалеченные рамы с разбитыми стеклами. Нагнулась, собираясь вытащить из горы мусора любимые акварели. Три картонных листа удалось достать, не повредив, а вот четвертый оказался согнут чуть ли не пополам.

– Ничего святого нет у людей, – пробормотала Нина сквозь слезы. – Выродки полосатые!

– Вы знаете, кто это сотворил? – строго воззрился на нее капитан полиции, составляющий протокол.

– Понятия не имею, – раздраженно бросила Нина.

– Даже не догадываетесь, кому так помешали? – ухмыльнулся он.

– Представьте себе, – отмахнулась она и, услышав, как в коридоре зацокали каблуки, вышла навстречу.

Вера Юрьевна – генеральный директор гобеленовой фабрики и единственный собственник – в изумлении застыла на пороге.

– Камеры смотрели? Удалось распознать лица визитеров? – нетерпеливо поинтересовалась она у начальника службы безопасности, топтавшегося неподалеку. – Как, вообще, посторонние проникли на территорию? Смотри, Калиткин, если хоть один эскиз окажется у конкурентов, взащей выгоню и не пожалею!

– Да...я... – пролепетал тот в свое оправдание, потирая крупный морщинистый лоб, но, не дослушав, Вера уже покинула Нинин кабинет и направилась в свой.

– Тарантуль, ты там долго столбом стоять собираешься? – строго поинтересовалась она. – Зайди!

Нина как на заклятие прошествовала в кабинет директора, ломая голову, с чего бы начать разговор.

Но Верочка внимательно оглядела ее глазками-буравчиками и бросила, словно диагноз поставила:

– Это твои «внучки» веселятся?

– Да, ваша честь, – пробормотала Нина. – Больше некому.

Вера кивнула, и прямые тонкие волосы, выкрашенные в иссиня-черный, качнулись в сторону, будто шторы. По лицу, накачанному ботоксом, Нина прочесть эмоции не смогла.

– Ты понимаешь, что происходит? – резко осведомилась Вера.

– Костя Цесаркин пытается меня запугать, – пролепетала Нина. – Помните, скандалил тут?

Директриса кивнула, на лице снова не отразилось ни единой эмоции.

«Будто с египетским сфинксом разговариваю», – подумала Нина, а вслух заметила:

– У меня и в квартире погром. Будто взорвался ядерный фугас. Рано утром соседи по тамбуру приехали из деревни, увидели, что дверь открыта и вызвали полицию. Так что я по пути в офис заехала. Все разбито, разрушено. Даже Ромкины игрушки поломаны.

Пухлые губы начальницы изогнулись в улыбке, и тотчас же толстый палец силой ткнул в столешницу.

– Мы же этого так не оставим, правда?

– Я сдаваться не собираюсь, – вскинулась Нина.

– Полиции сообщила? – хмыкнула Вера. – Пусть с ним побеседуют...

– Вот именно – побеседуют! – будто раненая вскинулась Нина. – Он же не сам все громил. Нанял кого-то. Полиция даже искать никого не станет. Попробуй доказать связь! А Костик еще меня за клевету привлечет. И уж точно мне ущерб никто не компенсирует.

– Большой урон? – участливо поинтересовалась начальница. – Что украли?

– Да у меня и брать-то нечего, – тяжело вздохнула Нина. – Пара золотых колец и браслеты. Все на месте. Денег лишних не водится. Я же ипотеку плачу. Просто все испорчено. Абсолютно все!

– Может, ищут что-то?

– Пусть мне расскажут, я тоже поищу, – зло хмыкнула Нина.

– Что думаешь предпринять? – осведомилась Вера.

– Мне жить негде, ремонт станет дорогим удовольствием. Да и наверняка затянется. Это первое, – Нина загнула палец. – А вот второе, родственники Ивана Алексеевича ломать свое имущество вряд ли пожелают. Поэтому я решила жить на Московской!

– Когда переедешь? – строго уточнила Верочка.

– Да хоть завтра. Сегодня вечером выставка у знакомого художника, умолял не пройти мимо. А вот завтра переселюсь.

– Грегуар Гарш? – усмехнулась Вера. – Я видела вывеску.

– Хотите пойти, Вера Юрьевна? – участливо поинтересовалась Нина. – У меня есть лишний билет.

– Не люблю концептуальное искусство ни в каком его проявлении. А в живописи тем более. Избави господи меня от этого видения! – Она в притворном ужасе передернула плечами и добавила с ехидной улыбкой: – Но тебе не помешает.

Нина удивленно глянула на начальницу, задержала взгляд на цветастом строгом платье и молочных жемчужных серьгах. А потом снова столкнулась с глазками-буравчиками.

– Я ж и говорю, – как для умственно отсталой, повторила Верочка. – Пусть лучше снятся художественные кошмары, чем подробности сегодняшних художеств.

– Значит, придется купить платье, – через силу улыбнулась Нина, оценив шутку руководства. – У меня дома все вещи порваны.

– В понедельник выпишем тебе материальную помощь, – пообещала начальница.

– Хорошо бы, – пролепетала Нина и на негнущихся ногах спустилась вниз на подземную стоянку. Ее автомобиль Киа Рио одиноко стоял на парковке в самом дальнем углу. Но и с такого расстояния Нина заметила, что у ее девочки неладно с обувкой. Все четыре колеса оказались жестоко проколоты в

нескольких местах. А от капота к багажнику шла тонкая серебристая царапина, будто разрезающая вишневую машинку на части. Нина на автомате отключила сигнализацию и, открыв дверцу, плюхнулась на сиденье. Больше сдерживаться не имело смысла. И, отвернувшись от пустующей стоянки, храбрая Нина Тарантуль расплакалась.

Сколько она проревела, Нина не помнила, но резкий стук в боковое стекло заставил утереть глаза и встретить новую неприятность.

Капитан полиции участливо всматривался, что же происходит внутри машины.

– Не помешал? – осведомился, как только Нина вышла навстречу.

– Нисколечко, – соврала она, надеясь, что он сразу уйдет.

– А я решил, что вы из железобетона, – протянул он с усмешкой. – А вы, оказывается, и плакать умеете.

– Ошибаетесь, – пробурчала Нина, отворачиваясь от непрошенного гостя и меньше всего желая слышать его смех.

– Может быть, – протянул капитан, – я не большой спец по дамским штучкам. Наверное, сейчас в моде мэйк-ап «дохлая панда», а мне неизвестно...

Нина охнула: пока ревела, размазала всю тушь вокруг глаз.

– Вон и машину всю покорежили, – всплеснула она руками. – Шины спустили, бок поцарапали.

– Вот я и спрашиваю, кому вы так могли насолить?

– Многим, – хмыкнула Нина. – Список большой и постоянно пополняется!

– А самые злостные недоброжелатели?

– Да кто угодно! – ушла от прямого ответа Нина. – Маньяк, исходящий слюной на мои фотки в социальных сетях, конкуренты фабрики, у которых удалось отбить заказ.

На глаза снова навернулись слезы.

– Не плачьте, – добродушно попросил капитан. – Я найду ваших маньяков и конкурентов.

– Спасибо большое, – прониклась порывом капитана Нина. – А как вас зовут? Ну в смысле, – она смутилась. – Если мне придется искать вас в отделении.

– Синебоков Егор Владимирович, – представился он и, порывшись в кармане, протянул слегка помятую визитку.

– Там два телефона, оба со мной и днем и ночью.

– Спасибо, – повторила Нина и, заметив на пальце золотой ободок, поинтересовалась тихонько: – Зачем вы это делаете?

– Работа такая, – хмыкнул капитан. – И терпеть не могу, когда третируют женщин.

Денис обожал сложные заказы и всегда с охотой брался за самые трудные. Вот и сейчас, рассматривая материалы дела, он понимал, что процесс затянется. А значит, принесет ему немало золотых тугриков. Хватит, чтобы через полгода съездить с Санькой на Килиманджаро. Ну и по Европе осенью погулять. Но идея с Африкой показалась обалденной. Про-

ехать на джипе по парку Серенгети, а после взойти на самый высокий вулкан в мире.

– Килиманджаро, Килиманджаро, сойду с ума от любовного жара, – дурачась, пропел Цесаркин и снова уставился в монитор. Его новый клиент разводился с женой и делил совместный бизнес. Не табуретки и кастрюльки, а крупную фабрику. С приличным оборотом и, самое главное, с землей в собственности, находящейся в пределах старого города. Лакомый кусок. Клиента фабрика не интересовала.

– Пусть забирает и проваливает к чертям, – горячился бывший супруг в офисе. – Мне земля нужна! В аренду сдам или продам. До конца жизни хватит.

«Землю – крестьянам, фабрики – рабочим», – пробурчал про себя Денис и принялся составлять иск, прекрасно понимая, что кроме корпоративного и семейного права прибавляется еще и авторское.

– Люблю свою работу, – пробормотал он. Но даже шапку иска не успел набрать, как в комнату с балкона зашла Герда, его любимая собака породы родезийский риджбек, и внимательно уставилась на хозяина.

– Гулять хочешь? – уточнил у нее Денис и дождался, когда она метнулась в коридор и принесла в зубах поводок. Конечно, такой умнице, как Герда, поводок не требовался. Но чего ни сделаешь для успокоения окружающих!

Дневная духота еще буйствовала в городе. Но в парке веяло прохладой и на аллеях попадались лишь редкие прохо-

жие. Ни родителей с колясками, ни обжимающихся парочек.

Цесаркин, сняв поводок, разрешил Герде побегать, но его строгая собака глянула укоризненно и пошла рядом ровным шагом, как когда-то учили. Проходившая мимо пара пенсионеров даже остановилась. Он в пиджаке и галстуке, она в длинном платье и шляпке. Занятные старики!

– А что это за порода такая? – удивленно поинтересовалась женщина. А потом даже переспросила – Как? Как?

Денис спокойно показал на ридж, тонкую полоску шерсти, идущую вдоль позвоночника с растущей в другом направлении шерстью.

– Хорошая собака, – заметил мужчина. – Серьезная.

Герда снова глянула на хозяина с укоризной и побежала вперед.

«Ну что же ты? – словно говорил ее взгляд. – Мы же гулять пришли!»

Пришлось попрощаться с милыми стариками и пойти следом. Но прежде чем завернуть за угол, Денис глянул вслед удаляющейся паре. Его новые знакомцы брели по дорожке, взявшись за руки.

«Повезло им, – ощутил небольшой укол зависти Цесаркин. – Не всем такое дано! – И тут же перебил сам себя: – Мало у кого так жизнь складывается, чтобы вместе идти до самой смерти. Рука в руке. В близком окружении только бабушка с дедом. – Денис внутренне поморщился. – Деда, миленький, – взмолился он, – что же ты наделал?»

В голове Цесаркина не укладывалось, как дед, его заслуженный дед, смог променять замечательную бабушку Таню на какую-то вульгарную девицу. Бродил ли он с ней в парке, взявшись за руку? Водил в ресторан обедать? Жил ли с ней вместе в одной квартире?

«Стоп! Нужно найти свидетелей. Понять, откуда на нашу голову свалилась Нина Тарантуль. Где с ней познакомился дед? Приходила ли она к нему в гости? Или он к ней отлучался? Жили они вместе или встречались по праздникам? Знакомил ли деда Ваня молодую жену со своими друзьями? Ездили вместе в отпуск? А вот если ничего раскопать не удастся, появится возможность признать брак фиктивным и вернуть квартиру обратно».

Денис рассеянно глянул вперед, аллея вывела на большой пустырь. И Герда, как маленькая, принялась таскать взад-вперед огромную ветку, почти дерево. Цесаркин нашел палочку стандартных размеров и забросил на край поля. И его важная и степенная собака со всех ног кинулась следом. Так и играли, пока в кармане Дениса не зазвонил сотовый.

Катерина. Двоюродная сестра.

– Да, Катюшка, – весело поприветствовал кузину Цесаркин. А в ответ услышал рыдания.

– Стой, погоди, ничего не понял, – взмолился он, чувствуя, как от плача спина покрывается холодным потом. – Катя, давай по существу, – попросил он, теряя терпение.

– Я же тебе говорю, – выкрикнула сестра. – Антон меня

бросил, понимаешь?

– Найдешь другого, – хмыкнул Цесаркин. – Я с ним даже разговаривать не собираюсь. Противный тип.

– Да никто тебя и не просит! – завелась сестрица. – Он по своим каналам пробил, что квартира на Московской досталась этой проститутке не в порядке наследования, а дед оформил дарственную! Сразу, как женился на ней!

– Что? – опешил Денис. – Как оформил?

– Свадебный подарок, наверное. Он подарил ей нашу хату через три дня после бракосочетания. Офигительно, правда?

– А Антон твой тут при чем? – изумился Цесаркин. – Он какое отношение имеет к нашему наследству?

– Думал, что и ему перепадет, – снова зарыдала сестра.

– Катька, так это к лучшему, – рассмеялся Денис. – Найдешь другого, бескорыстного!

– Такие все повымерли после татаро-монгольского ига, – отрезала сестра и отключилась.

«Отлично, уже какие-то Антоны на квартиру нацелились», – разозлился Цесаркин мысленно.

Он вытащил палку из пасти Герды и снова замахнулся, чтобы швырнуть ее подальше. И чуть от досады не врезал этой дубиной себе по лбу.

«Вот же идиот! – выругался он. – Что там Катька несла про дарственную?»

Денис набрал номер подружки по университету и попросил выяснить, на каком основании состоялся переход права

собственности. Через полчаса пришел ответ.

«Дарственная!»

«Космический Экибастуз, – снова ругнулся Цесаркин. – Чертова прохиндейка отрезала все пути законно вернуть квартиру настоящим наследникам. Что же, красавица, пеняй на себя!»

Когда позвонил старший брат, Денис один за другим про-рабатывал план возмездия, но так ничего и не придумал. А выходить за рамки Уголовного кодекса не решился.

– Да, бро, – вздохнул Цесаркин. – Я весь внимание.

– Спишь, поди, малыш? – пророкотал старший брат.

– С Гердой гуляю, – понуро возвестил Денис. – А до этого иск писал. Работу взял на дом.

– Так твоя дурочка не любит, – хмыкнул Костя.

– У нее сегодня йога весь день, – отчитался Цесаркин. – Потом к матери поедет. Вот я и решил поработать.

– Яга ушла на йогу! Яга ушла, Яге дорогу! – хохоча про-декламировал Костик древние как мир стишата собственно-го сочинения и тут же оживился. – Так ты холостой сегодня? Составь компанию, а? У меня два билета на выставку. Нужно интервью у художника взять. Я там один долго не выдержу. А у Лизки токсикоз...

– Поздравляю, – радостно ухмыльнулся Денис. – Мама знает?

– Да, – отмахнулся брат. – Сказала, что ей только этого сейчас и не хватало, представляешь?

– Как никто другой, – ехидно заверил старшего брата младший.

– Так вот, Лизка после встречи с матушкой лежит пластом и прикидывается дохлой. А мне кровь из носу нужно интервью. Шеф уже ножкой топал, что давно у нас ничего эксклюзивенького.

Пойдем со мной. Не дай пропасть старшему брату, малыш!

– А что за художник, бро? – уточнил напоследок Цесаркин.

– Некто Грегуар Гарш. Новый Пикассо или Кандинский. Очень концептуальненько!

Глава 3

На выставку, разместившуюся в старом купеческом особняке, они заявили рано. Костик, для солидности надевший на себя белый костюм и розовую рубашку, решил осмотреться на местности, мысленно настроиться на волну художника. Денис не возражал. Он лениво прошел мимо первого ряда картин, искоса глянул на какие-то плохо выписанные фигурки, пробормотал: «Мазня!» и отправился в ресторан на второй этаж. Занял столик на выходящем в холл балконе и, заказав шампанское, принялся празднично осматривать публику.

Художник – толстый мордатый старик, в бандане и берцах, обнимался с друзьями и приближенными. Какие-то тетеньки неопределенного возраста кивали на откровенную халтуру в дорогих рамах и важно переговаривались между собой.

Кичливый официант в тужурке камергера гордо поставил перед Денисом бокал шампанского и сразу удалился, обдав волной презрения странного клиента, посмеявшегося заявиться в святая святых в джинсах и в простой белой рубашке. Цесаркин мысленно усмехнулся.

«Если бы я заказал ведро черной икры, этот стяжатель чаевых улыбнулся бы?»

Захотелось подозвать милейшего и сделать заказ. А потом при отказе посетовать, что же это за ресторан такой!

Он отвлекся лишь на пару минут и чуть не пропустил мо-

мент, когда в зал вошла Нина Тарантуль. Спокойно, не озираясь по сторонам, прошествовала прямо к Грегуару и утонула в его объятиях.

Денис почувствовал, как внутри все закипает от злости. Тонкая ладонь бабули прошлась по щеке художника, а голова с хвостом на самой макушке лишь на миг прикоснулась к плечу Гарша.

«Еще одна жертва, – сразу определил Денис. – Интересно, как быстро она его обкрутит?»

Денис залпом, будто водку, вылил шампанское в рот и быстро спустился в зал, намереваясь понаблюдать за бабулей поближе.

Сначала он следил издали, как Нина непринужденно болтает с какой-то иссушенной, словно мумия, дамой в малиновой чалме, радушно здоровается со стариком в черном берете. И дедок расплывается в улыбке и целует ручки.

«Прям рай для любительницы наживы», – раздраженно проворчал про себя Денис. Он оглянулся по сторонам в поисках брата и заметил, как тот пытается протиснуться через толпу к Грегуару Гаршу.

«Это надолго», – хмыкнул про себя Цесаркин-младший и от нечего делать снова принялся разглядывать экспозицию.

Он направился в дальний зал и с удивлением обнаружил, что его заинтересовали более поздние картины Грегуара Гарша. Полотна, усыпанные маленькими фигурками людей, животных и каких-то предметов, всецело захватили его. Хоте-

лось рассматривать и рассматривать густонаселенные картины, удивляясь, как художник удачно подмечает тонкие и порой незаметные нюансы жизни.

Рядом кто-то осторожно кашлянул и, оглянувшись, Денис увидел мумию в чалме.

– Не правда ли, достойные работы? – хитро улыбаясь, осведомилась старушка.

– Интересные, – согласился Денис. – Только я где-то читал, что Грегуара Гарша сравнивают с Кандинским. А эти его работы больше напоминают Брейгеля...

– Читали? Где же написана такая глупость? – Она расстроено всплеснула руками и, найдя кого-то в толпе, поманила тоненькой лапкой.

Оказалось, Нину Тарантуль.

– Нуначка, – проворковала она, цепляясь за «бабулю». – Вот молодой человек читал, что Гришеньку нашего опять сравнивают с Кандинским. Это уже ни в какие ворота не лезет.

– Где читали? – вскинулась Нина, глянув в упор на Дениса.

– Могу рассказать за чашкой кофе, – тут же нашелся Цесаркин. – Говорят, здесь варят изумительный кофе. Я угощаю.

Дамы переглянулись между собой. И Цесаркин заметил легкую усмешку на лице мумии, словно она одна знала какой-то секрет и не собиралась ни с кем делиться.

– Не беспокойся, Белочка, – заверила ее Нина и, обернувшись к новому знакомому, кивнула. – Что ж, ради истины о Кандинском и Гарше я готова.

И важно прошествовала на второй этаж. Денис поплелся следом, откровенно пялясь на воздушное белое платье в мелкий черный горох, выгодно подчеркивающее достоинства хозяйки, на все те же красные туфли на стройных ногах и на выстриженный под ноль затылок с замысловатой татуировкой. Но больше всего Цесаркина привлек мелкий ежик волос, обрамляющий местами разноцветный рисунок, тянувшийся вниз по шее. Денису захотелось дотронуться ладонью до мягкой шерстки, провести пальцами по искусно наколотым рунам. Он даже мысленно отдернул руку, заставляя себя держаться в рамках приличия. Нина уселась за тот же столик, где перед этим сидел Цесаркин, и, обратившись к подлетевшему официанту, попросила:

– Как всегда, Игорек. И счет отдельный с этим господином.

– А вам что? Опять шампанское? – немножко дерзко осведомился «Игорек».

– Кофе, черный без сахара, и отдельно стакан воды, – отрезал Цесаркин и радужно улыбнулся своей спутнице. – Давайте знакомиться. Я – Роман, не женат, у меня свой строительный бизнес, – на голубом глазу соврал он.

– Нина Александровна, – сухо кивнула «бабуля» и добавила холодно – Так где вы читали о сравнении Гарша с Кан-

динским?

– Уже не помню, – принялся лгать Денис. – Да и какая разница? – Он улыбнулся самой яркой из своих улыбок, пытаясь обаять строптивую красавицу.

– Разница есть и большая, – как первокласснику, принялась вкрадчиво объяснять Нина. – Грегуар рисует в уникальной технике, больше похожей на Босха и Брейгеля, а вот Кандинский и Дали – совсем из другой оперы. Вот художник и нервничает от безграмотности писак, решивших заработать себе на кусочек хлеба с маслом.

– Все крутятся как умеют, – пробормотал Денис. – Может быть, после выставки сходим куда-нибудь, Нина Александровна? – весело предложил он. – Развеемся...

– Только после кремации, – с усмешкой бросила она, переведя взгляд на подоспевшего официанта.

– А? – поперхнулся Цесаркин, а потом добавил, натянуто улыбаясь: – Смешная шутка.

«Игорек» поставил перед Денисом мелкую, словно мензурка, чашечку кофе и стакан воды, а Нине – прозрачную пузатую чашку с зеленым месивом и трубочкой, затем потянулся к стоявшему на столе подсвечнику, намереваясь зажечь свечи.

– Это лишнее, – остановила его Нина. Официант удалился, недовольно покосившись на Цесаркина.

– Я слушаю вас, Денис Олегович, – натужно вздохнула Нина. – Какая нужда заставила вас искать моего общества?

Цесаркин поперхнулся кофе и чуть не выплескал его на белую рубашку.

– Только не врите, пожалуйста, – жалостливо попросила Нина.

– Я никогда не вру, – обиженно пробурчал Денис.

– За те пятнадцать минут, что вы навязались мне в компанию, вы не сказали ни слова правды.

– Вы узнали меня? Откуда?

– Будучи женой вашего деда, рассматривала семейные альбомы. И ваши фотки в телефоне он показывал.

– Показывал? – фыркнул Денис. – Небось сами рылись.

– Поверьте, Денис Олегович, – задумчиво проговорила Нина. – Многим людям претит ложь, доносы и погромы. Уважающий себя человек никогда не ворвется в чужую квартиру и уж точно не станет рыться в телефоне.

– Надеюсь, вы хоть себя не относите к этой группе. С вашими методами... Обвели бедного деда вокруг пальца.

– Иван Алексеевич сам предложил выйти за него замуж, – отрезала Нина. – И вас это не касается. Попробуйте отнестись с уважением к его воле.

– Ну конечно! – тихо свирепея, вскинулся Цесаркин. – Кто бы говорил!

– Уж точно не вы, – бросила Нина. – Вот вы лично вообще родственными чувствами не обременены. Когда Коржевская померла, вы не сочли нужным даже на похороны прийти...

– Я тогда находился в Новой Зеландии, – пробубнил Де-

нис, не понимая, почему она назвала бабушку девичьей фамилией. – Никак не успевал...

– А когда ушел Иван Алексеевич, – Нина осенила себя крестом, – вас тоже где-то носило.

– В Мексике. Но это ничего не значит. Я любил их.

– Если быть точным, любили их имущество, – вынесла приговор Нина. – Ни разу не зашли в гости, не поинтересовались здоровьем. Даже когда Иван Алексеевич звал вас в гости, вы целый месяц кормили его обещаниями. А ведь он хотел пригласить вас на нашу свадьбу. Но вас опять где-то носило. Кажется, ездили в Москву в арбитраж. А приехав, даже не удосужились позвонить деду. А он сильно переживал. Потом попал в больницу. И, кроме меня, его там никто не навещал. Вся ваша дружная семья тут же оказалась занята куда более важными делами. Что угодно, только невнимание к деду. Где вы были, когда его оперировали? Хоть бы гнилой апельсин принесли. Никого! Врачам и сиделкам платила я. Бедный, никому не нужный старик. Зато как наследство делить, так вся стая подхватила и перешла в наступление.

– Я ничего не знал, – изумленно вытаращился Цесаркин. – Его смерть стала для меня неожиданностью.

– Конечно, – с издевкой фыркнула Нина. – Человеку-то всего восемьдесят пять. Еще жить да жить. А тут такой нежданчик – ласты клеил не вовремя!

– Вы не имеете права со мной так разговаривать, – не выдержал Денис, прекрасно понимая, что она права. Ему по-

казалось, что Нина его сейчас пришиблит гневной отповедью. Но она провела пальцами по литой бронзе подсвечника, словно пытаясь прочесть что-то по азбуке Брайля. Задумчиво посмотрела на Цесаркина и пробормотала:

– Извините. Меня это совершенно не касается, – пробормотала она и сурово добавила: – Ваши акции устрашения ни к чему не приведут. Квартиру вы не получите, это дело принципа, а вот срок – запросто.

– Что вы несете? – вскинулся Денис, наблюдая, как ее руки снова заскользили по ножке подсвечника. И сразу осекся, вспомнив, чем сегодня хвалился брат.

– Прощайте, – бросила она, поднимаясь.

– До встречи, – на автомате буркнул он.

– Любая встреча с вами или вашими родственниками возможна только в суде или в полиции, – отрезала Тарантуль и гордо удалилась.

Из ресторана Нина сразу спустилась в холл. И вовремя. Она издали заметила, как Грегуару, дяде Грише Горшкову, что-то увлеченно рассказывает знакомая фигура. Невысокого роста, с пивным животом и совершенно лысой башкой. Константин Цесаркин.

«Нет, младший брат гораздо красивее, – мрачно подумалось Нине. – Не знала б, растеклась бы лужицей. Хотя оба подонки. Даже Ромкины вещи и игрушки не пожалели. А он и расплакался из-за своих сокровищ. Не поверил ни единому слову про Бэтмена и Терминатора. Это Цесаркины врут,

как дышат, а тебя, Тарантуль, на лжи поймал семилетний ребенок».

Вот и пришлось днем оббежать все магазины и купить вещи на первое время, игрушки и все школьное приданое взамен прежнему, старательно выбранному Ромкой и купленное задолго до начала учебного года. Нина сжала зубы, пытаясь успокоиться. Вздохнула глубоко и с деланным интересом принялась рассматривать знакомые с детства картины. От любимого занятия ее отвлек окрик.

– Искусство не ваша тема, хороший мой, – громыхнул на весь зал Грегуар Гарш, беря под руку незадачливого журналиста. – Пишите о том, в чем разбираетесь. Про содержимое детских горшков, например. Про трусы звезд. Но не лапайте грязными пальцами то, что уже записано на скрижалях вечности! Не вспоминайте всуе великих художников! Какой вам Кандинский «Вася»? Вы же его от Шагала отличить не сможете. Или от Пикассо.

– Смогу и запросто, – с присущим ему апломбом лихо заверил Костик, пытаясь вырваться из захвата Грегуара.

Тот ослабил хватку, но руку Цесаркина не отпустил и, выразительно глянув на администратора, худую девицу, подстриженную под мальчика, попросил:

– Алечка, пожалуйста! Давайте устроим шоу. Господин журналист против простого посетителя выставки. Десять картин.

– Авангард? – уточнила она.

– Просто современное искусство. Победителю я вручу приз. Если победит господин журналист, – Гарш внимательно посмотрел на притихшего Костика, – я дам ему большое интервью, а если его оппонент – денежный приз от себя лично. А вот если победит дружба, пойду напьюсь. Условия понятны?

Костик бодро кивнул, а публика зааплодировала.

«Куда же он лезет, – недовольно пробормотал про себя Денис. – Что он может распознать кроме Джоконды Леонардо?! Заведомо провальная затея. Сейчас себя дураком выставит».

Между тем Гарш придирчиво оглядел зал и заорал во все горло:

– Девушка! Вы! Очень вас прошу! – и указал на Нину Тарантуль.

К чести бабули, заметил Денис, она покраснела и принялась отнекиваться. Но Гаршу удалось настоять на своем. И Нина заняла место рядом с Костиком. Но даже головы не повернула в сторону нового родственника.

На огромном двустороннем экране, подвешенном к потолку, замелькали картины. Сначала появились какие-то коричневые обрубки на синем фоне. Брат попытался скабрёзно пошутить, но администратор резко оборвала его:

– Без сортирных шуток, пожалуйста!

Костик раздраженно передернул плечами.

– Не знаете, – постановила Алечка и повернулась к Нине.

– «Купальщицы» Пикассо, – улыбнулась бабуля.

Денис с ужасом наблюдал, как Нина, уверенно набирая очки, сыплет фамилиями и названиями.

Они выходили с выставки под улюлюканье толпы.

– Ну погоди, придурок, – пробормотал Костик. – Я тебе устрою. Так распишу под хохлому.

Денис недовольно крякнул.

– Но ты же не назвал правильно ни одной картины. Перепутал Шагала с Бабелем...

– Это неважно, малыш! Главное, тЭма. И Гарш, сам того не подозревая, мне ее дал. Да еще и с нашей бабулей знакомство водит. Попал мужик.

– Она намекала, что ты перегибаешь палку со своими акциями. Угрожала судом и полицией.

– Ты с ней беседовал? – напряженно уточнил Костик. – Когда? – Он даже остановился посередине улицы и уставился на младшего брата с немым укором.

– Хотел познакомиться поближе, – хмыкнул Денис. – Но она меня узнала.

– Хорошо подготовилась, сволочь, – гневно сплюнул на землю старший брат.

– Не очень-то заводись, – предупредил Денис. – Она все-таки женщина...

– Немного проучил, но это на пользу. Может, станет чуть сговорчивей, – наигранно рассмеялся Костик. – Это ты у нас, малыш, в белых перчатках. А придет старший брат и вынесет

за тебя гуано.

– Очень тебя прошу, не трогай ее больше. У нее ребенок маленький. Давай действовать законными методами.

– Понравилась кралечка? Очаровала? – поинтересовался брат язвительно.

– Нет, просто она во многом права. Мы все забросили деда. Вот ты когда его в последний раз навещал?

– Малыш, малыш, ну какая разница. Я не смог, ты уезжал, мать ходила или Юлька. Ты пойми, эта ехидна хочет нас перессорить между собой. Если все факты сопоставить, то выяснится, что дед вообще без внимания ни дня не оставался. Я больше чем уверен, что все обстоит именно так.

– А как тогда объяснить, что для нас его женитьба стала сюрпризом?

– Ее интриги, что же еще? Прошу тебя, не заморачивайся на бабуле! Отобрать у нее квартиру и выйти чистеньким все равно не удастся! Придется запачкать свой белый макинтош!

Денис во все глаза уставился на брата, стоявшего посреди улицы. Костик громко возмущался и размахивал руками, распугивая последних прохожих, спешащих домой в столь поздний час. Из-за угла показалась поливальная машина, бодрой струей расчищающая дорогу от дневного мусора. Большая часть грязи смывалась в ливневку, а малая доля оседала на тротуар слякотным дождем, создавая мелкие лужицы.

Денис попробовал предупредить брата, но Костик лишь

отмахнулся от него.

– Тебе меня не переспорить, малыш! – оборвал он младшего брата. А следом пресек попытку взять за рукав. Сзади посигналили. Видимо, водитель поливалки оказался адекватным человеком. Но Костик вошел в раж. Он что-то кричал о мерзкой бабуле. О том, что сам переспит с ней, а потом задушит.

– Да, это грязь, малыш, – назидательно повторил он младшему брату, отошедшему немного в сторону. – Я знаю, что говорю!

В этот момент водитель поливальной машины дал по газам, да еще прибавил напор струи, обливая старшего Цесаркина с ног до головы, предварительно обрызгав мелкодисперсной, словно аэрозоль, грязью.

Денис силился не рассмеяться, но не сдержался и закатился от смеха.

– Ты прав, бро! Знаешь, о чем говоришь! – расхохотался он.

– Чего ржешь? – грубо процедил Константин. Он чертыхаясь доковылял до машины. С трудом открыв багажник, разделся до трусов и швырнул испорченные тряпки внутрь. Сел в ауди и дал по газам, совершенно забыв о младшем брате. Денис оглянулся по сторонам, намереваясь остановить или вызвать такси, но потом решил, что до Санькиного дома отсюда рукой подать, и отправился гулять по ночным улицам, стараясь вспомнить каждую деталь разговора с бабулей. Но

ему снова мерещилась татуировка с рунами, дразнящая и заманчивая, и рука, в медленном танцедвигающаяся по подсвечнику. Взад, вперед. Туда и обратно. Денис аж запыхтел от накатившей реакции. Он запретил себе думать о Нине Тарантуль, постарался забыть о ней. Но какая-то бабулина фраза, сильно удивившая его в разговоре, и теперь не давала покоя, только он никак не мог сообразить, что именно.

Глава 4

Из окна кабинета администратора Грегуар Гарш наблюдал за братьями Цесаркиными. Даже сквозь приоткрытую створку отлично услышал воинственную речь Костика.

– Возмездие, ниспосланное Вселенной, – усмехнулся он, искренне радуясь тому, как мокрый и злой Константин отряхивается от воды и грязи.

– Как шелудивая собака, честное слово, – хрипло заметила Нина, забрав из рук администратора прикорнувшую Фиби.

– Выродки. Что старший, что младший, – насупился Грегуар. – Ты точно решила въехать в эту квартиру? Можешь у нас пожить.

– Не хочу стеснять вас с Белочкой, – хмыкнула Нина. – У родителей места много, и они просто мечтают, чтобы я вернулась в Тарнаус. Но нет! Никому не позволю себя запугивать.

– Они на многое способны. Слышала, как этот неуч вопил, что распишет меня под хохлому?

– Цесаркин просто не знает, что хохлома – это старинный промысел росписи по дереву. Вот и городит всякую чушь. Не обращай внимания.

– Еще чего, – фыркнул Гарш. – Я Валерчику позвоню. Этот дурень у него работает. – Художник снова насупил се-

дые брови и бросил сердито: – А вот тебе бы не стоило ввязываться в затяжную драку. Не женское это дело. Продай хату и живи спокойно.

– Ты еще не понял, с кем мы имеем дело? – вскинулась Нина. – В семействе Крутояровых был только один порядочный человек. Угадай кто?

– А младший брат?

– Он гораздо лучше гения журналистики. Но врет как дышит. Вероятно, издержки профессии.

– Что намерена предпринять?

– Сегодня переночую. Завтра днем перевезу вещи. Месяц-другой поживу. Квартира все равно стоит пустая.

– Я могу тебя как-то переубедить?

– Нет, – Нина решительно мотнула головой. – Война объявлена, дядя Гриша! Мне отступать нельзя. – Она чмокнула обалдевшего художника в щеку и выскочила из кабинета.

– Холива-а-ар! – мысленно жалея, что сейчас не принято наносить на лицо боевую раскраску, пропела она громко в пустом коридоре. А Фиби испуганно глянула на хозяйку.

Оставшись в одиночестве, Грегуар Гарш достал из кармана пиджака, висевшего на вешалке, плоскую фляжку и, открутив крышку, запрокинул содержимое в рот. Горло тут же обожгло живительной влагой.

Одного глотка хватило, чтобы успокоиться. Гарш потянул со стола сотовый и быстро набрал знакомый номер.

– Привет, Марин, – бросил он в трубку. – Как Сашка?

Спит уже?

Трубно уныло забубнила в ответ, подробно рассказывая о состоянии больного друга.

– Я беспокоюсь о Нуньке, – вставил Гарш, как только собеседница замолчала, переводя дух. – Мне довелось общаться с одним из Крутояровских родственников. Те еще убудки. И я прекрасно знаю, о чем говорю. Такие чистенькие мальчишки, не понимающие, что творят. – Он осекся, не желая сильно пугать жену друга.

– Я знаю, – пробормотала она. – А Сашка еще больше... Если Нина решила сражаться до конца, это ее право. Сейчас все, Гриша, кричат о карме и родовых отработках. Не верю я в эту чушь. Но вот характер человека закладывается в семье. И личный пример близких тоже воспитывает. Нунька права, непозволительно вытирать об нас ноги. А еще больший грех смириться и воспринимать эти погромы как должное. Терпеть на глазах у ребенка.

– Сашка знает?

– Да, – хмыкнула Марина. – Пытался отговорить. Но она его убедила. Сказала, что продаст эту распроклятую хату, а деньги потратим на Сашино лечение. На Германию хватит.

– Я подставлю плечо, если что...

– Спасибо, – пробормотала Марина. – Что бы мы без тебя делали, Гришенька...

Попрощавшись, Грегуар повернулся к окну и уставился на небольшую лужу, где несколько минут назад стоял Костя

Цесаркин.

– Растаял, как злая Бастинда, – усмехнулся Гарш и снова ткнул в телефон толстым, как сарделька, пальцем.

– Ты кого мне прислал? – громыхнул на весь кабинет, когда ему ответили. – Наглый профан! Морда зажавшаяся. Ничего не сечет в искусстве, а пыжится, словно умный! Таких борзописцев в проруби топить надо, как только они из люльки ручонки к клавиатуре потянут.

Собеседник принялся оправдываться. Долго, занудливо и подобострастно.

– Валерка, делай что хочешь, только близко ко мне этого уroda не подпускай. Я ведь добрый-добрый, а могу, как Томагавков, со всей дури в нос съездить... Что? Не знаешь новое дарование? Недавно выкатилось на нашу голову! Поэт это... Какой-какой? Дерьмовый, Валера! Но восходящая звезда!

И когда трубка что-то яростно запричитала, Грегуар добавил шутя:

– Не знаешь, так узнай!

Денис, сердитый и голодный, брел по ярко освещенным улицам, не замечая кричащих вывесок, распахнутых дверей ресторанов и нарядной публики, выходявшей из театра. Широкий проспект сменился узким тротуаром, где с трудом могли разойтись два человека. Пройдя мимо центральной больницы, Цесаркин свернул в темный проулок, дабы посको-

рее срезать дорогу к дому. Конечно, он разозлился. На Греггара Гарша, изящно и незатейливо втоптавшего Костика по самые помидоры, да и старший брат раздражал самоуверенностью, граничащей с наглостью. Неужели не хватило сил отказаться от этого дурацкого арт-шоу?

«Знай и люби Пикассо! – ехидно фыркнул Денис и заметил себе под нос: – А с другой стороны, так тебе и надо, бро! Кинул младшенького посреди дороги. Все маме расскажу!»

Цесаркин, криво усмехнувшись, пнул ногой маленький камушек. Тот запрыгал по брусчатке бульвара и замер около кадки с фикусом, прикрывавшем распахнутые окна маленького незнакомого ресторана. «Стейк-чего-то там-Хаус» – прочитал Денис на вывеске. Он собрался уже пройти мимо, мысленно кляня авантюристку и мошенницу Нину Тарантуль, посмевающую отчитать его, как малолетнего дурака, когда желание попинать камешек до конца бульвара пересилило здравый смысл. Благо до проспекта оставалось всего пять кварталов. Цесаркин подошел к кадке, намереваясь носком ноги отбросить «футбольный мяч» в сторону, когда увидел сразу за фикусом, в небольшом уютном эркере, парочку. Александра, его дорогая Санька, бесхитростная девочка без особых запросов, сидела за столиком с каким-то незнакомым мужиком. Нет, она-то мужика явно знала. Не вырывалась из его объятий и даже хихикая вкушала с его вилки сочный, в меру прожаренный стейк. Денис почувствовал, как рот начал наполняться слюной. Хотя, минуточку! Санька – убеж-

денная вегетарианка и мясо? Оксюморон! «Наверное, обо-
знался», – сам себя утешил Цесаркин. Он отошел в сторону
и, став в тень козырька наглухо закрытого заведения, набрал
номер любимой. И тут же тихий переулочек разбудила трель
звонка.

– Да, милый, – проворковала трубка со стереоэффектом.

Со своего места Денис прекрасно увидел недовольную
гримасу подружки, в одночасье ставшей чужим человеком.

– Где ты? – поинтересовался вполголоса.

– Встречаюсь с одноклассниками, – бодро соврала Алек-
сандра.

– А... – пробормотал Цесаркин, наблюдая, как рука Сань-
киного спутника забирается под цветастый подол и оглажи-
вает тонкую коленку.

– Твоего кавалера в каждом классе на второй год оставля-
ли? – равнодушно хмыкнул Денис.

– Какого кавалера? – в ужасе пролепетала Санька и строго
осведомилась – Ты выпил?

– Я абсолютно трезв. Развлекайся, милая, – пренебрежи-
тельно заметил он, наблюдая за ее испуганным личиком.
Александра оттолкнула руку кавалера и осмотрелась по сто-
ронам. – Не давай себя хватать, моя лапочка, – пропел Це-
саркин.

– Что за пошлятина, Денечка? – попробовала отчитать его
Санька.

– Это Высоцкий, милая, – хмыкнул Цесаркин и, выйдя из

укрытия, помахал на прощание рукой. – Ключи оставлю у консьержки, – бросил между прочим.

– Подожди, – вскрикнула Санька. – Я тебе все объясню.

– Не стоит, милая. Давай без драм, – равнодушно пробормотал Денис, нажимая на кнопку отбоя. – Прощай!

– Ну и провались ты пропадом, Цесаркин! – Александра выскочила из ресторана и, приняв воинственную позу, орала на всю улицу. – Проваливай! Что с тебя взять? Ты даже квартиру умудрился профукать!

Он развернулся и удивленно уставился на нее.

– Ты жила со мной из-за квартиры деда? Ну ты даешь, – обалдел Денис, даже не зная, плакать ему или смеяться. – Пока, Шурка, – махнул он рукой, прекрасно зная, что она терпеть не может, когда кто-то ее так зовет.

Он завернул за угол и оказался на проспекте, освещенном как днем.

«Из тьмы да в полдень», – буркнул про себя Цесаркин и, заметив автобус на остановке, запрыгнул в закрывающиеся двери. И, глядя на медленно проплывающие за окном фонари и парки, Денис вошел в приложение сбербанка и быстро заблокировал свои карты, отданные Саньке на мелкие расходы.

«Ибо не фиг», – мысленно предупредил он и снова ткнул в знакомый контакт.

– Мам, вы дома? – поинтересовался он у родительницы и быстро добавил: – Мы с Гердой сейчас к вам приедем. Я

ушел от Шурки.

– Дени-ис! – вскрикнула мамаша. – Тебя сейчас поселить негде. Тем более с Гердой. У тебя есть своя комната на Московской, езжай туда. А меня аллергия на собак, забыл?

– Не вопрос, мам, – хмыкнул Цесаркин, ругая про себя этот ужасный день, старшего брата, любовницу, эксцентричную мамашу и Нину Тарантуль с колдовскими глазами.

«Ведьма самая настоящая», – подумалось ему. Как узнал о ней, так вся жизнь и полетела вверх тормашками.

Денис вернулся в квартиру, где вместе с Санькой прожил последние пять лет. Валялся тут вместе с ней на диване, мечтал о будущем: поездки, большой дом за городом. Пара детишек. Только сейчас до него дошла непреложная истина. Слишком часто в разговоре упоминалась квартира на Московской. Хватит ли доли в общем наследстве, чтобы возвести коробку? Или придется продавать соседнюю квартиру, выкупленную отцом и подаренную Денису?

– Конечно, продадим и мою, – заверил тогда Саньку Цесаркин. – Обе квартиры соединили в одну. Бабушка полжизни мечтала ее выкупить. А когда подвернулся случай, отец с матерью уже разводились. Но он сдержал слово, купил, только записал на меня.

– А почему не на тебя и Костика? – подивилась любовница. И Денис вспомнил, как она смотрела на него влюбленным и наивным взглядом.

– Бро получил «десятку». Его машина тогда больше инте-

ресовала. А квартиру продавали дешево, срочная сделка. Да и после соседа алкаша туда другие покупатели войти побоялись. Бабушка потом долго ругалась, пока ремонт шел.

Теперь, кидая как попало собственные вещи в дорожную сумку, Денис корил себя последними словами.

«Как? Вот как я мог не заметить явный интерес к моей собственности?!»

Он с трудом застегнул змейку.

«Не густо, – хмыкнул про себя, осматривая туго набитый баул. – Спасибо этому дому, пойдем к другому!»

И, надев Герде поводок, быстро вышел из квартиры, нечаянно громко хлопнув дверью. И сам вздрогнул от грохота.

– Одна дверь закрылась, – недовольно объяснил он Герде, усаживая ее в машину. – Другая откроется.

Цесаркин дал по газам и уже через несколько минут входил в темную, казавшуюся заброшенной, квартиру на Московской.

Нина Тарантуль, услышав, как хлопнула входная дверь, встрепенулась. В углу дивана закопошилась Фиби и тут же спряталась под махровое покрывало.

«Внимание, опасность», – насторожилась хозяйка, прекрасно зная, что йорки заливисто лают только при мнимых угрозах. Она подскочила с постели и, схватив со стола большое каменное яблоко, вытесанное из хризолита, тихо подкралась к двери. Там, в коридоре, кто-то скинул легкую обув-

ку, затем по-хозяйски швырнул на пол что-то тяжелое и, смеясь, велел:

– Пошли, Герда, покажу твое новое место!

Этот голос Нина узнала сразу. Невозможно ошибиться!

«Цесаркин Денис Олегович, – отметила она про себя. – Самовлюбленный владелец дальнего чулана и двух коридоров».

Она хотела тихо запереть дверь и даже плавно повела защелкой, но в самый последний момент замок предательски щелкнул. Тарантуль досадливо поморщилась и вернулась в постель, про себя решив, что нужно заново разделить обе квартиры. При имеющихся документах вопрос становился чисто техническим. Нина принялась гадать, надолго ли заявится совладелец жилья. Да еще и собаку приволок. «Неужели бледная поганка – его невеста, с неохотой пробующая морковное суфле и с гримаской отставляющая его в сторону, выгнала этого святого человека? Ай-ай-ай! – Но тут Нина одернула саму себя. – Он приехал насовсем? Только его тут и не хватало!»

Она прикинула в уме разные варианты, как бы побыстрее выкурить из квартиры нежеланного соседа, но, так ничего и не придумав, отбросила в сторону глупые мысли.

«Я тут ненадолго, – самой себе заметила она. – Нужно выставить на продажу эту квартиру. А деньги отдать отцу на лечение!»

Нина попыталась уснуть, но из-за того, что кто-то чужой

нахально бродил по дому, сон не шел. Она решительно встала с кровати и, накинув шелковый халат, вышла навстречу к незваному гостю.

Денис деловито прошагал в свою комнату, не желая вторгаться на территорию врага. Пока не время. Как юрист, он прекрасно понимал, что ни в коем случае нельзя давать лишний козырь Арахне. Поэтому заселение в любую из дедовых комнат отменялось. А вот использование по назначению кухни и санузла бабуля запретить не может. Сервитут, знаете ли. Цесаркин пересек широкую кухню, подойдя к белой фанерной двери ровно в тот момент, когда «бабуля» вышла из своей комнаты. Послышались шаги в коридоре, а следом цоканье когтей по паркету. Герда насторожилась и зарычала. И тут же весь дом огласился пронзительным лаем мелкой противной собачонки. Она влетела на кухню раньше хозяйки и враждебно зарычала на любимицу Дениса. Герда просто обалдела от напора маленького хамоватого йорка.

– Угломоните свою левретку, – пренебрежительно велел Цесаркин, строго воззрившись на Нину. – Сейчас весь дом на уши поставит.

– Все из-за вас, – фыркнула Тарантуль. – Пробираетесь в дом, словно вор.

– Имею право, – пробурчал Денис, сверля злыми глазами саму Нину и ее крысу, по какому-то недоразумению научившуюся лаять.

«Бабуля», уловив момент, когда собачье недоразумение

со звонким лаем пробежало мимо, наяривая круги вокруг Герды, подхватила на руки свою недоразвитую псину. Заворковала, запричитала, заохала.

– Фиби, девочка!

Цесаркин усмехнулся про себя:

«Фиби Буффе, мать вашу!»

И уже собрался открыть дверь в комнату, позвать Герду, зачарованно разглядывающую новых соседей, когда Нина Тарантуль протянула ладонь к его собаке. Денис не заметил в ее взгляде даже толики страха. Словно они знали друг друга сто лет и сейчас подошли поздороваться.

Денис, поборов в себе искушение дать команду «фас!», застыл как вкопанный, когда его собака серьезной породы вытянула шею, как малолетний щенок, подставляя холодный и мокрый нос во вражескую руку.

– Какая же ты хорошая, – пробормотала Нина, глядя большую темно-коричневую морду. Умные глаза собаки чуть прикрылись, хвост вильнул пару раз. Герда всем своим видом показывала, как ей приятно общение с Арахной.

«И ты, Брут!» – хотелось заорать Цесаркину. Он тяжело вздохнул, желая, чтобы День Предательства закончился побыстрее и, повернувшись к вероломной любимице, велел:

– Пойдем к себе, Герда!

Денис рывком потянул на себя хлипкую дверь. Слишком резко. И тут же ему на голову посыпались какие-то кульки с вещами и коробки со старыми пожелтевшими брошюрами.

Научные труды бабушки и деда. Он успел отскочить в сторону и в недоумении уставился на открывшийся натюрморт. Вся комната... Да какая там комната?! Комнатушка! Оказалась заставлена домашним скарбом, более двадцати лет назад вышедшим из строя. Поломанные стулья, шкафы, коробки со старыми книгами и прочим барахлом – все перемежалось друг с другом и казалось погребенным под слоем пыли и грязи. Хотя некоторые вещи, поломанные и грязные, кто-то добрый сложил в огромные кульки, занявшие все свободное пространство и без того маленькой комнатенки.

– Что это? – изумленно вскинулся Денис.

– Ваша собственность, – хмыкнула Нина. – Чулан Коржевской.

И, развернувшись, гордо проследовала к себе. Цесаркин вновь оторопело застыл, наблюдая, как шлейф длинного шелкового халатажемчужного цвета благородными складками стелился по полу. Денис жадно оглядел удаляющуюся женщину. И снова рассердился сам на себя. Даже локтем в раздражении двинул, попав по старой картонной коробке, набитой журналами, и приводя в движение огромный эмалированный таз, вместивший в своем нутре полчища стаканов и рюмок из мутного стекла. Вся эта неустойчивая конструкция заскользила вниз. Цесаркин попробовал остановить лавину, подставив на пути следования коробки свой собственный бок. Даже наклонился чуть-чуть, чтобы плечом придержать таз. Но тот без препятствий проехал по белой рубаш-

ке Дениса, оставив около воротника ржавый жирный след, и грохнулся на вымощенный плиткой пол. На кухню тотчас же вернулась Нина. Он заметил испуганный взгляд, быстро сменившийся циничной улыбочкой.

– Bravo, – усмехнулась Арахна.

Хорошо хоть Фиби-Буффе на руках помешала ей заплодировать.

– Спокойной ночи, – холодно бросила «бабуля» и ушла к себе в комнату. Снова щелкнул замок.

Денис, сумрачно глянув на недоумевающую Герду, потрепал ее по шее.

– Испугалась, девочка? – усмехнулся он и добавил с укоризной: – Ты же смелая собака!

– Ну да, – словно сказал ее взгляд. – Но где наш новый дом? Ты же обещал!

– Потерпи, – пробормотал Цесаркин. – Сейчас весь хлам на помойку вынесу, и обоснуемся на ночлег. А завтра я все куплю.

Круглые коричневые глаза Герды печально осмотрели коридор, где только что прошла новая знакомая.

– Может быть, с ней? – красноречиво говорил растерянный собачий взгляд. – Красивая женщина не станет спать в хламовнике. Иди туда...

– Даже не проси, – сердито буркнул хозяин. – Это наш враг. А ты еще ластилась, предательница...

Заскулив, она глянула на него осуждающе и устроилась

под обеденным столом, давая понять, что имеет собственное мнение и не согласна с хозяином.

Денис в ужасе оглядел кухню: по полу валялись осколки попеременно с журналами и какими-то крупами.

– Картина маслом, – чуть слышно фыркнул он и, велел Герде отойти подальше, принялся убирать мусор. Набив под завязку найденные в ящике мешки для мусора, он оглядел комнатушку, превращенную в чулан, и подхватил еще старый шкафчик, расчищая себе дорогу к заветному дивану с продавленными пружинами.

«Сегодня и на нем переночую, – решил Цесаркин, открывая нараспашку окно. – А завтра перетащу любой другой. Может, из дедушкиного кабинета».

Он резво подхватил мусор и понесся вниз к бакам. Но по возвращении стало понятно, что одним разом не отделаешься. Пришлось сходить еще и еще раз. Цесаркин просто представить не мог, что его мать и тетка, разбирая вещи после смерти бабушки, не стали ничего выкидывать, а все сложили в чулане, где теперь предстояло жить.

Через пару часов ему удалось расчистить проход к дивану и освободить само проваленное ложе. Оставалось искупаться и лечь спать. Он выставил на кухню какой-то старый чемодан и, соорудив из бабкиного драпового пальто ложе для собаки, позвал, присвистнув:

– Герда!

Глава 5

– Герда! – Денис снова позвал собаку, но бесполезно. Никто не прибежал, не потерялся об ноги. Цесаркин в нарастающей панике оббежал всю квартиру. Заглянул в бабушкину комнату, до сих пор хранившую запах ее любимых духов – «Красной Москвы». Затем распахнул дверь в гостиную, где накрытые простынями плюшевые диваны миглом напомнили могильные холмы, запорошенные снегом. Денис отпрянул в сторону и в два шага пересек коридор, оказавшись в бывшей детской, абсолютно пустой комнате.

«Где же ты, Герда?» – мысленно осведомился у собаки Цесаркин, потирая затылок.

Оставались еще библиотека и столовая. Но в последней расположилась Арахна, а дверь в библиотеку всегда запиралась на ключ. Цесаркин на секунду даже застыл от догадки, что собака не смогла бы самостоятельно войти в закрытые комнаты в незнакомом доме, а вот выскочить следом в распахнутую входную дверь запросто!

«Фу ты ну ты, море ясное!» – про себя выругался Денис и добавил еще парочку крепких выражений и, запретив себе переживать раньше времени, подхватил валявшийся на сумке поводок и бросился на улицу. Он выбежал во двор и попытался взглянуть в темноту.

– Герда! – снова окликнул собаку. – Герда!

Ему показалось какое – то мимолетное движение в деревянной беседке в дальнем конце двора. Цесаркин кинулся туда, но лишь вспугнул тискавшуюся парочку.

«Хорошо хоть не в самый ответственный момент я к ним ворвался, – мысленно хмыкнул Денис, извинившись перед двумя влюбленными оленями. Длинные конечности, острые локти. И глаза, растерянные и испуганные. – Испугались, что сообщу маме с папой, – догадался он и досадливо пробурчал про себя: – Что ж родители их не гоняют?»

Цесаркин раздраженно глянул на часы. Половина второго. «Куда же ты делась, моя собака?» – отчаянно вскинулся он, злясь на себя, что на минуту отвлекся от поисков. И что есть духу ринулся в соседние дворы. Выскочив к детскому саду, Денис обнаружил дыру в заборе. Герда никогда не славилась любовью к загулам, но все случается в первый раз. Оглядев ограждение из кривых, с облупившейся краской, прутьев, Цесаркин, вспомнив, как в детстве легко перекакивал через этот самый забор, решил повторить. Он поставил ногу на металлическую полосу, связывающую воедино все колченогие прутья, и попытался перемахнуть, на миг ощутив себя восьмилетним мальчишкой. Но затрещавшие по швам джинсы оказались против этой затеи. Денис всмотрелся в непроглядную тьму, превратившую деревья, детские веранды и горки в единое целое, и снова позвал собаку. Бесполезно! Понимая, что пробраться внутрь не получится, он бросился бежать вдоль забора, но и это не дало результатов.

«Где ты, девочка? – снова воззвал к любимице Цесаркин. – Одна, в чужом районе!»

Решив завтра с утра продолжить поиски, он понуро поплелся домой. Если старый бабкин чулан можно было назвать его новым домом. Перед самым подъездом Денис оглянулся по сторонам и в отчаянии заорал:

– Герда!

В соседнем подъезде открылось одно из окон, и пьяный мужской голос пригрозил:

– Вали на фиг к Снежной королеве, Кай! Сейчас спущусь, все зубы пересчитаю!

В этот момент на третьем этаже, прямо над его головой, распахнулась балконная дверь и из комнаты, прозванной бабушкой «столовой», выскочила большая коричневая собака, просунула морду между прутьями, внимательно глянула на Дениса и громко гавкнула. Всего один раз, словно говоря: «Я здесь. Где тебя носит, хозяин?»

– Вы там совсем обалдели?! – закричали откуда – то сверху.

Денис, мысленно отмахнувшись от дурацких воплей, взлетел на свой этаж и, напоминая себе Кинг – Конга, яростно ворвался в квартиру.

Герда как ни в чем не бывало восседала посреди коридора, а дверь к бабуле оказалась заперта изнутри.

– Пойдем спать, вероломная собака, – пробормотал вымотанный Цесаркин и, потрепав Герду по холке, побрел к себе

в чулан. Она, поджав хвост, потащила следом. И с полу-вздохом – полустоном улеглась на новую постилку.

Остаток ночи Денис проворочался на неудобном жестком диване, стоявшем здесь с незапамятных времен. Цесаркин вспомнил, как давным – давно бабушка с дедом ругались между собой – выкинуть «топчанчик» или нет. Денис словно заново увидел кухню, где с самого утра пахло сдобой, бабушку в красном переднике, надетом поверх темно – синего платья, с аккуратной стрижкой и завитыми на мелкие папильотки волосами. А рядом насупленный дед в шелковой полосатой пижаме и с неизменным журналом «Наука и жизнь» в нервных узловатых пальцах. И он сам, Дениска Цесаркин, сидит между стариками и ест свежую, чуть теплую ватрушку, запивая ее молоком. Сколько же лет прошло? Денис почувствовал, как в душе закипает злость на эту чертову куклу, Нину Тарантуль. Арахна, блин!

Почему же так распорядилась судьба, что он – наследник Крутояровых – должен ютиться в чулане, а эта алчная гадина дрыхнуть на велюровом диване? Да еще Герду приманила. Выставила дураком в глазах собаки.

Цесаркин тяжело вздохнул, и снизу эхом ответила Герда. «Не раскисай», – сам себе наказал Денис, поймав себя на мысли, что расставание с Шуркой далось ему легко, а вот мнимая пропажа собаки заставила поволноваться.

Он постарался сосредоточиться на работе, но в который раз мысли перекатились на предательство близких – мамень-

ки, Шурки и даже Герды. Денис запретил себе плохо думать о матери и Герде. Во всем виноват только один человек. Арахна ей имя!

«Трахни в бок меня медуза», – выругался он, снова представив тонкую шею бабули и шелковую ткань, мягко стелящуюся по плечам и груди. Цесаркин мысленно шагнул к Нине почти вплотную и аккуратно ладонью провел по нежной коже, отвел в сторону русые пряди и погладил ежик волос на затылке, а затем медленно принялся развязывать пояс, запутавшись пальцами в тонкой ткани. Денис потянулся к манящей его женщине, мечтая отодвинуть в сторону шелк, охлаждающий пальцы, и коснуться горячей кожи. Но привередливая Арахна отступила в сторону, он всем телом двинулся следом... И свалился с «топчанчика». Хорошо хоть не на голову Герде. Собака жалостливо глянула на него, словно говоря: «Предлагала же пойти спать к новым знакомым. Там удобнее и веселее!»

– Даже не проси, – рыкнул в ответ Цусаркин и, обидевшись на Герду, отвернулся к стене и уснул.

Проснулся он поздним утром и сразу понял, что находится в квартире один. Подошел к двери в столовую, заглянул внутрь. Как будто никто и не спал этой ночью. Никаких улик типа брошенного на стул пеньюара или разбросанных по углам тапочек. Он обернулся и осмотрел прихожую. Есть! Бледно – розовые тапки, Шурка называла такой цвет нюдовым, притаились на полке. Цесаркин, быстро вернувшись,

взглядом обшарил кухню. Арахна никуда и не думала съезжать. В углу, недалеко от мойки, одиноко маячили две миниатюрных тарелочки, словно из набора игрушечной посуды. Столовый сервиз Фиби – Буффе, собачьего недоразумения.

По привычке Денис залез в шкафчик и, пошарив взглядом по полкам, выудил зубочистки.

– Вас то, родимые, мне и надо, – хмыкнул он недобро и, заглянув в чулан, убедился, что Герда на месте. Она приподняла голову и, недовольно рыкнув, завалилась спать дальше.

«Вот и правильно, – мысленно фыркнул Денис. – Свидетели мне не нужны!»

Он вернулся обратно к двери в столовую и, внимательно осмотрев дверной замок, точным движением воткнул зубочистку в узкое отверстие, напрочь заклинив металлический язычок. Потом аккуратно отрезал ножом никому не нужный конец тонкой деревяшки и отправился к себе писать иск. Воскресный день не предвещал никаких встреч и развлечений. Цесаркин прогулялся по парку с собакой, потом забрал в кафе заказанные роллы и после обеда, смахнув пыль со старого журнального столика и разложив на нем материалы дела, принялся за работу. Антон Анатольевич Рогинский, прозванный друзьями АнтАнтом, разводился со своей женой после сорока лет совместной жизни. И если не скальп несчастной жены, то хотя бы все нажитое во время брака стремился получить в личное пользование. Что там жена и дочка, если все заработал он сам, вот этими натруженными

руками!

Цесаркин вспомнил «мозолистые» ладони заказчика – хохленого мужика лет шестидесяти с тщательно покрашенной сединой и кольцами на безымянных пальцах. На правой руке – перстень с крупным темно – синим сапфиром, а на левой – замысловатое, по краям обрамленное бриллиантами кольцо с набитыми по кругу золотыми цифрами, сверкающими на черном фоне.

– Чем больше удастся отжать, тем выше твой гонорар, – отрезал на прощание Рогинский, автоматически потирая кольцо с цифрами и, заметив взгляд адвоката, серьезно пояснил:

– Когда это кольцо в Париже купил, так сразу пруха поперла. Я его на ночь в сейф прячу. Дважды забыл надеть, так один раз евро скакнуло, а второй – в обэп вызвали.

– Тогда лучше не снимать, – улыбнулся Цесаркин. – Такие риски. – И шутя добавил: – А где в Париже покупали? Я б смотался.

Рогинский хохотнул, давая понять, что ему шутка понравилась, и, погрозив пальцем, направился к выходу.

Денис особо не верил байкам о кольце, но доподлинно знал, что товары из-за бугра АнтАнт завозил под видом гуманитарной помощи, практически не платя пошлины и НДС. Состояние Рогинского, подлежащее разделу, включало пакет акций банка, входящего в пятерку региона, розничную сеть магазинов постельного белья, фабрику «Милый дом»,

завод строительных материалов, несколько гектаров леса и свиную ферму. И все бы ничего, а только фабрика, магазины и лес оказались записаны на тещу. И вот тут начиналось самое интересное. Лес жена, вот глупая женщина, отдавала и так, магазины предлагала поделить поровну, а вот фабрику категорически не захотела включать в общее имущество. Этот номер мог пройти с любым другим мужиком, но только не с АнтАнтом. Он по мировому соглашению забрал лес и магазины, а теперь требовал фабрику.

«Не на того напала, голубушка», – хохотнул про себя Цесаркин и почесал затылок, пытаясь понять, как и чем надавить на строптивую разведенку. Время от времени он отвлекался от ноутбука, задумчиво глядел в окно на стайку воробьев, расположившихся на стоявшем неподалеку тополе, и рассуждал, где же носит Нину Тарантуль. Но вот в замке повернулся ключ и по паркету зацокали собачьи когти.

«Фиби – Буффе не приходит одна», – под нос себе проворкотал Цесаркин.

Герда, насторожившись, выглянула на кухню.

– Ты куда? – недовольно пробурчал Денис, и собака тотчас вернулась обратно, виляя хвостом, словно говоря: «А что? Я ничего...»

Он услышал на кухне знакомые шаги, и тут же на всю квартиру запахло жареной картошкой и мясом. Денис, съевший за целый день только сет роллов, почувствовал острый приступ голода. Нестерпимо захотелось мяса. Отбивную

или кусок шашлыка. Хоть что-нибудь! Цесаркин попробовал убедить себя, что растительная пища гораздо полезней и в фасоли содержится белка... не сосчитать. Но упрямый организм не хотел ничего знать про белки и углеводы, а нагло требовал мяса. Даже не курицу с индейкой, а кусок хорошо прожаренного стейка. Или на худой конец отбивной.

«И если вдуматься, что там за стенкой в холодильнике... Нет, нельзя, – оборвал он свои мясные фантазии. – Мясо вредно, от него происходит гниение в желудке. Подумай о несчастных животных, умерщвленных ради твоей прихоти... Их все равно уже забили, – перебил внутренний голос. – Если не ты, то кто – то другой обязательно съест, – подначил он совесть Цесаркина. – Пойди посмотри! Арахна что – то ставила в холодильник. Можно взять один маленький кусочек. Всего один. В качестве платы за моральные издержки и издевательства».

Денис напряженно прислушался. В душе лилась вода. Мадам Тарантуль принимала омовения перед сном.

«Она ничего не заметит», – подначил он сам себя и тут же оказался около холодильника. Быстро открыл дверцу и уставился на прозрачные пластмассовые судочки, составленные друг на друга. В одном бултыхалось что – то темно – красное, похожее на борщ, в другом лежала жареная картошка и сквозь стенку даже виднелся румяный бок шампиньона. А в третьем, стоящем на вершине пирамиды, просматривались пласты мяса и плавленого сыра. Мясо по-французски! Цесаркин

попытался вспомнить, когда ел это блюдо. Получалось, еще до жизни с Шуркой. В какой – то прежней, давно забытой жизни.

«Открой, посмотри, – скомандовал внутренний голос. – Просто посмотри. Уйми приступ мясной лихорадки!»

Денис потянулся к судочку и, быстро открыв, залюбовался ровными кусками мяса, зажаренными с сыром и помидорами. Беглого осмотра оказалось достаточно, чтобы сосчитать каждый кусок. Всего пять!

«Если взять один, она и не заметит. Вон тот, сбоку, самый маленький», – промелькнула шальная мысль. Проснувшись совесть попыталась урезонить, но Цесаркин, приказав ей молчать, выудил двумя пальцами понравившийся кусок и, запихнув его в рот, захлопнул холодильник и, вернувшись в чулан, поймал на себе осуждающий взгляд Герды.

– Молчи, – пробубнил он с набитым ртом и, взяв со стола бутылку с водой, принялся жадно пить.

Перед сном Нина попробовала закрыть дверь на замок – маленькую задвижку, входящую в один комплект с ручкой, черненной под бронзу. Не получилось.

«Да что же это такое?» – в сердцах подумала Арахна и снова попробовала провернуть заветную защелку. Никак.

«Что ж, и ежу ясно, кто тут постарался, – хмыкнула про себя Нина. – Ни дня без гадости. Прям девиз семейства Крутояровых». Она глянула на часы, понимая, что в половину

первого ночи звать кого – то на помощь уже поздно.

Пришлось расстелить постель и улечься спать с открытой дверью.

«Ну не придушит же он меня? – мысленно озадачилась Нина, представив, как на цыпочках Денис Цесаркин с подушкой или гарротой крадется к ней в комнату. – Глупости!» – отмахнулась она и, спихнув на пол надоедливую Фибку, вздумавшую облизать хозяйке лицо, закрыла глаза.

Сон не шел. Слишком нервным выдалось воскресенье. Нина вспомнила, как утром вместе с Элкой и Настей выносила из порушенной квартиры мусор: мебель и вещи, еще пару дней назад радовавшие хозяйку. А теперь придется заново покупать абсолютно все. Знала бы, в первый раз затарилась бы дешевым ширпотребом. А так выбирала самое лучшее, на что запал глаз. Мишка, намбер ван в списке мужей, тоже приезжал ненадолго, пока новая супружница не хватилась. Помог вынести расколотый на части платяной шкаф и разбитый телевизор. А потом смущаясь оставил деньги.

– На, – протянул увесистую пачку пятидесяти тысяч купюр. – Это на обустройство.

– Много что – то, – возразила она. – Половины хватит. Жена тебя заругает.

– Она не знает об этих деньгах, – серьезно отмахнулся бывший муж. – А тебе сейчас нужнее. Бери, Нунька! Тут все-таки и мой сын живет.

Нина, тяжело вздохнув, положила деньги в сумочку и ве-

лела испуганной Фиби, сидящей на подоконнике:

– Сторожи!

Михаил рассмеялся.

– В этом ты вся! Любую неприятность обращаешь в шутку. Моя жена повесилась бы на люстре от такого погрома... Жалею, что тебя бросил и с ней сошелся. Если вернусь, пустишь?

– Нет, Ломакин, поезд ушел, – слабо улыбнулась она. – Той женщине ты нужнее. И ее детям тоже. Спасибо, что не забываешь нас с Ромкой, но обратной дороги нет, – твердо поставила точку в разговоре.

– Прости, – прошептал он, легко касаясь губами ее виска. – Никогда мне не вымолить прощения!

– Я не держу на тебя зла, – отмахнулась она, поправляя ему вихор на макушке. – Береги себя, Мишка!

Когда за бывшим закрылась дверь, а следом и подруги разошлись по своим делам, Нина, примостившись рядом с Фиби, пересчитала деньги. Четыреста пятьдесят пять тысяч.

«На ремонт хватит и мебель», – решила про себя Нина и, тут же позвонив знакомому прорабу СанСанычу, принялась в черных красках расписывать разрушенную квартиру, изо всех сил надеясь, что тот сжалится над ней и возьмет ее квартиру в работу без всякой очереди.

– Мысли материальны! – пропела она тихонько, положив трубку, и принялась быстро собираться.

Сан Саныч не только сжалился, но и предложил съездить

в Леруа Мерлен за строительными материалами. А потом еще подвез в Тарнаус. Остаток дня она вместе с Ромкой собирала пазлы, наблюдала, как в парке ее сын и собака гоняют голубей, варила отцу куриный супчик и от всех этих простых и незамысловатых дел испытывала тихую радость.

«Так бы жить и жить», – с горечью подумала она, прекрасно понимая, что родилась под другими звездами и должна хлебнуть сполна. Сначала вранье и измену мужа, а теперь вот безудержную ненависть семейства Цесаркиных. Хотя если положить руку на сердце, то именно она должна ненавидеть всю эту поганую семейку. Но на самом деле вместо ненависти и злобы испытывала лишь отвращение и брезгливость.

Нина, сморгнув слезы, велела себе думать о чем-нибудь приятном. Она мысленно представила, как гуляет по улицам Палермо, а потом в порту любителю многоэтажными белоснежными красавцами – лайнерами, курсирующими по Средиземному морю. Нина словно перенеслась на широкий проспект, мельком глянула на театр, расположившийся на площади. Кажется, там снимали третьего «Крестного отца» и на его ступеньках погиб хитроумный Майкл Карлеоне. Она мысленно свернула в сторону и оказалась в маленьком уютном кафе. И будто воочию увидела знакомого мордатого официанта, чмокающего пухлыми жирными губами толстые пальцы и орущего «Белиссимо!». И тут же перед самым носом замелькали круассаны, канноли, пицца, аранчини.

«Хрен редьки не слаще», – поморщилась Нина, сглотнув.

И понимая, что с такими мыслями успокоиться невозможно, а вот возбудить аппетит запросто, она уселась на постели, размышляя: то ли пойти доесть оставшуюся жареную картошку, то ли почитать книжку, раз заснуть все равно не удастся. Послышался слабый скрип, и, испугавшись, она взиралась на открывающуюся дверь. Может, Цесаркины решили устранить ее физически? Нина перевела дух, лихорадочно соображая, что предпринять. Но в этот момент с тапок хозяйки радостно подскочила Фиби и засемила к двери. В свете дворового фонаря, падающего как раз на дубовые створки, показался сначала кожаный нос, а затем любопытная морда Герды. Фиби подбежала к выглядывающей из коридора подруге, а та, словно получив приглашение, бочком втерлась в комнату.

«Ай молодца, господин Цесаркин, – про себя усмехнулась Нина, догадавшись, что Денис специально заблокировал замок, чтобы в любой момент призвать к себе Герду, пресекая нежелательное общение. – Вы, конечно, против. Но у вашей собаки другое мнение!»

Глава 6

Остаток ночи Цесаркин ворочался на «топчанчике», ругая себя последними словами, что так и не принес в комнату диван из кабинета деда. Да еще съеденное наспех мясо по-французски вызвало изжогу, не дающую заснуть. Стоило закрыть глаза, как в полудреме выделась вилка с насаженным стейком. И он лично подносил его ко рту Нины Тарантуль, а она, улыбаясь, плотоядно впивалась зубами в кусок хорошо прожаренной говядины. Денис аж подскочил на месте.

«Фу ты ну ты, море ясное! – раздосадованно подумал он. – Совсем меня „бабуля“ с толку сбילה! Стейк ела глупая Шурка, удачно притворявшаяся вегетарианкой, а привиделась Арахна».

Цесаркин решительно отмахнулся от навязчивых видений и, поняв, что заснуть не удастся, принялся думать, как же все-таки угодить Рогинскому. Но постепенно мысли перешли на семейные отношения.

«Уж лучше в это гуано вообще не вступать, – мысленно поморщился он. – Или рога наставят, как Шурка, или имущество попытаются оттяпать. – Цесаркин про себя прикинул, как бы у супружницы Рогинского выманить землю под фабрикой. Нужно взять ее за живое. Найти ту самую болевую точку и надавить. А потом предложить сделку!»

Денис уснул, так и не придумав, что может послужить

предметом торга, и проснулся, услышав, как в столовой кто-то прыгает.

«Мадам Тарантуль занимается зарядкой», – фыркнул он про себя и принялся быстро одеваться, разумно решив, что толочься рядом с Арахной не в силах. Нужно постараться, чтобы ее не задушить. Зато принять душ и выпить смузи можно в спортивном клубе. Цесаркин, подхватив заранее сложенную спортивную сумку, оставленную с вечера на кухне, направился к выходу. В дверях прислушался. Прыжки прекратились.

Тотчас же в коридор прибежали собаки. Герда посмотрела внимательно, словно говорила:

«Куда же ты? Сейчас начнется самое интересное!»

– Знаю, – пробурчал Цесаркин, представляя Нину в мокрой от пота майке, поэтому распахнул дверь и скомандовал:

– Гулять, Герда!

Денис живо спустился вниз, понимая, что с сегодняшнего дня придется ходить в спортзал с удвоенной силой. Отсутствие тренировок в последний месяц не пошло на пользу. Даже сумка казалась невероятно тяжелой. Он закинул неподъемный баул в багажник и, подождав, пока Герда отметит близлежащие кусты, осведомился строго:

– Вернешься к подружке или со мной поедешь?

Собака, завиляв хвостом, радостно потрусила к подъезду. Денис влетел на этаж и, распахнув дверь, запустил в квартиру вероломную Герду.

– До вечера, дорогая, – бросил он своей любимице. Но в этот момент в коридор в шортах и коротком топе вышла Нина Тарантуль и, лучезарно улыбнувшись, проворковала:

– Как скажешь, кошкуль!

Цесаркин негодуяюще глянул на нее и, круто развернувшись, чуть не врезался в соседку Аделаиду Петровну. Он пробормотал дежурное «здрасси» и кинулся вниз, краем уха услышав, как старая курица здоровается с Арахной.

«Вот! Вот с кем поговорить нужно!» – сам себе попенял Денис.

Он долго тренировался, пытаясь за один раз восстановить былую форму.

– Да все у тебя нормально, – отмахнулся на его жалобы тренер. – Подумаешь, месяц!

– Не поверишь, Серый, еле сегодня сумку поднял!

– Витамины попей, – хмыкнул тренер и отправился наставлять молоденькую красотку, тщетно пытавшуюся сделать гиперэкстензию.

После тренировки и душа Цесаркин ввалился в кафетерий и, велев себе раз и навсегда забыть о мясе, заказал на завтрак суфле из спаржи и смузи из авокадо и шпината. Бросил сумку на пол, собираясь устроиться за столиком у окна и с высоты десятого этажа наблюдать, как солнечные лучи скользят по крышам близлежащих зданий и щекочут верхушки деревьев. Но звук, гулкий и протяжный, словно набат колокола, заставил его насторожиться.

«В сумке только тряпье и кроссовки», – заверил он сам себя и тряхнул баул снова. И опять услышал лязг металла. Цесаркин, осторожно поставив сумку на плетеное креслице, принялся рыться в необъятном чреве спортивного чувала, наощупь определяя свое нехитрое барахло. Но неожиданно пальцы налетели на что-то твердое. И Денис даже почувствовал легкую боль от такого столкновения. Но яростное удивление, закипевшее внутри, только придало силы. Он откинул вещи в сторону и, наклонившись над сумкой, напоролся взглядом на две старые чугунные крышки от гусятниц, аккуратно сложенные друг в друга.

«Ну погоди, красавица! Зайчик мой дорогой, погоди! Я тебе припомню!» – усмехнулся Цесаркин, кляня в душе Ни-ну Тарантуль, посмевающую влезть в его сумку.

«Сам-то хорош, мясо сожрал, замок поломал, – попенял ему внутренний голос. – Она и отомстила!»

Денис наслаждаясь ел суфле и размышлял, как бы еще поквитаться с несносной бабулей. За окном поднималось солнце, медленно приближаясь к зениту, и выходить на душную улицу Цесаркину не хотелось. Он поморщился от мысли, что его ждет работа и привередливый заказчик и, допив смузи, поспешил к выходу. Звонок брата отвлек Дениса от плана мести номер один, когда он заходил в лифт.

– Статья получилась, закачаешься! – не поздоровавшись, принялся хвастаться Костик. – Шеф обещал эксклюзив сделать, поэтому даже тебе не могу дать прочесть. Даже не про-

си, – хохотнул брат, а Денис скривился, как от зубной боли. Хвастливые речи Костика он терпеть не мог.

– Это следующая ступень в эволюции! – орал в трубку брат, захлебываясь от восторга. – Главному статья так понравилась, что он мне еще одно интервью поручил. Поэт Томагавков. Слышал о таком?

– Да, – усмехнулся Денис. – У него совершенно отпадные стихи. Не пойми о чем. Я читал в каком-то журнале...

– Где? – резко перебил Костя. – Припомни, пожалуйста!

– Наверное, в самолете. Знаешь, там выдают бортовые журналы...

– А-а... – досадливо протянул Константин. – Эти нам не конкуренты.

– Дурацкие стихи, бро. Словно человек не понимает, о чем пишет... там что-то было про загипсованное море. Бред!

– Много ты понимаешь? – усмехнулся старший и продекламировал:

– Море, загипсованное небом,
Часто снится душными ночами.
Рано утром я иду за хлебом
С рюкзаком холщевым за плечами.

– У? Каково? – переспросил тут же. – Мне нравится! А тебе?

– Разве что в твоём исполнении, – хохотнул Денис, усаживаясь в машину. Говорить брату о гусятницах в сумке Це-

саркин не пожелал. Засмеет и потом станет вспоминать при каждом удобном случае. – Только ты, прежде чем встречаться с этим поэтом Хреновым, узнай о нем хотя бы.

– Да зачем? Я его стишата прочел, достаточно! Мне еще вот это понравилось:

– Я черпаю вдохновенье в тучах,
Что клубятся низко над Монбланом.
Под зонтом гулять намного лучше.
Все идет по плану, то есть с планом.

– Чушь собачья! – отмахнулся Денис и предупредил строго: – Все, бро, мне работать надо.

Попрощавшись, он рванул в офис, по пути набирая Рогинского. Разговор с братом натолкнул его на весьма интересные мысли.

– Доброе утро, Антон Анатольевич, – вежливо начал Цесаркин и сразу перешел к делу: – Авторские права на эскизы и товарный знак на изделия кому принадлежат?

– Мы ничего не оформляли, – пробурчал АнтАнт.

– Тогда нужно это сделать незамедлительно и подать в суд за нарушение авторских прав, – тут же встрял Цесаркин.

– Ай молоток, – хохотнул довольный заказчик. – Найди хорошего патентоведа, не обижу.

– Запросто, – хмыкнул Денис, ужасно довольный собой.

В обеденный перерыв Нина договорилась встретиться с Сан Санычем на квартире, чтобы определиться с объемом

работ. Но, войдя в свое собственное жилище, она испытала ужас. Казалось, сейчас из детской снова покажется человек в маске и нападет на нее. Нина прошлась по пустым комнатам, пытаясь успокоиться. Вышла на балкон вдохнуть свежего воздуха и хоть как-то привести мысли в порядок. Не помогло.

– Ты чего, Нинок? – обеспокоился прораб, выходя следом. Закурил тонкую дамскую сигаретку и, словно оправдываясь, пояснил: – Никак вот бросить не могу. Хотя такие пока курю, а электронные вообще не понимаю.

– Что-то мне страшно, – пожаловалась Нина. – Получается, злоумышленник легко справился с замками. А была бы я дома, то и со мной тоже. И с Ромкой. – Она всхлипнула, стараясь сдержаться. – Я тут даже находиться не могу. Мне в вашем присутствии не по себе, а одной ночевать вдвойне страшно.

– Так давай я к тебе перееду, Нинок, – добродушно подмигнул Сан Саныч.

Нина улыбнулась собеседнику. Внимательно вгляделась в морщинистый лоб и усталые глаза. Зато фигура как у молодого парня. Крепок, подтянут и выглядит как ровесник Дениса Цесаркина, хотя наверняка старше.

«Сколько ему?» – впервые за многие годы знакомства задалась вопросом Нина, а потом махнула небрежно.

– Я теперь долго замуж не выйду, Сан Саныч.

– Из-за отца? – вскинулся он. – Я мог бы помочь.

– Никто не может. Даже Мишка, – состроила гримаску она и добавила уже серьезно: – Но большое вам спасибо за поддержку. Пойду я. – Она развернулась, чтобы уйти, но прораб остановил ее.

– Так мы же не решили, на каком проекте остановимся, – удивился он внезапной перемене.

– Я тут жить не хочу, – вынесла вердикт Нина. – Поэтому все по минимуму.

Она выскочила на улицу и понеслась по проспекту, даже не подумав воспользоваться общественным транспортом.

«Получается, что единственное место, где Цесаркины побоятся со мной разделаться, это квартира на Московской. Там на них сразу подозрение падет. А в новой все равно жить не хочется. Поэтому или продам ее, или пущу квартирантов», – думала дорогой она. А потом увидела в конце квартала торговый центр. И зашла в магазин игрушек купить Ромке «Лего». Покупка конструктора немножко развеселила Нину, и, таща огромный пакет с вожденной сыном коробкой, она лениво брела по галерее и рассматривала в витринах платья и блузочки. Нина покосилась на часы.

«Зайти уже не получится. Времени в обрез. Да и только в субботу платье купила», – пресекла она попытки собственного шопинга, но у самого выхода заметила лавку с яркой вывеской «Чумовые приколы». Нина шагнула внутрь, даже не понимая, что именно ее тут привлекло. И уставилась на ряды странного товара. Страшные зеленые маски Фионы, Челове-

ка-паука и Гая Фокса. Нина усмехнулась про себя и осмотрелась по сторонам.

– Масочки – чистый латекс, – лысоватый продавец тут же подскочил к ней в надежде втюхать свой товар.

– Да я только посмотреть, – предупредила она.

– А все так говорят, – продавец поднял палец и оглядел ее внимательно. – У нас и банкноты имеются. На праздник, на день рождения...

– Нет, – замотала головой Нина, искренне не понимая, зачем покупать нарезанную бумагу.

– А вот гляньте на страшные приколы. Мухи, пауки, отрезанные пальцы...

– А это что? – Нина в изумлении показала на странные кучки в ярких упаковках.

– «Веселые какашки»! – засмеялся продавец, подмигивая. – Абсолютно безвредная вещь. Можно даже на тарелочку положить.

Нина внутренне отшатнулась, но тут же покраснела от внезапной шальной мысли.

«А можно и в судок», – хмыкнула она про себя и, вздохнув полной грудью, сделала заказ.

– Ну вот, а говорили, что вам неинтересно, – довольно заметил продавец, вручая Нине небольшой туго набитый пакет. – Желаю хорошо повеселиться, – хохотнул он вслед.

«Всенепременно, – мысленно фыркнула Тарантуль. – Веселья час и боль разлуки готов делить с тобой всегда-а», –

мысленно пропела она и зашагала по уходившему в горку проспекту к видневшемуся вдали бизнес-центру, где располагался офис компании.

– К вам посетитель, Нина Александровна, – проворковала секретарша Анечка, стоило Тарантуль показаться в дверях, и махнула рукой в сторону копошившегося в телефоне Синебокова.

– Простите, если заставила ждать, – пробормотала Нина, открывая дверь кабинета и кидая покупки на первый попавшийся стул.

Капитан Синебоков плюхнулся без приглашения на другой и устало заявил:

– В нашем распоряжении оказались записи с видеокamer, развешанных здесь, в центре, и около вашего дома. Сможете опознать злоумышленников?

– Постараюсь, – передернула плечом Нина, в глубине души надеясь, чтобы люди, устроившие погром в ее офисе, оказались незнакомцами.

– Флешку можно в компьютер вставить? – поинтересовался капитан, передавая Нине маленький пластмассовый паровозик с болтающейся на подвеске клубничкой из бисера.

– Маскируетесь, – усмехнулась она.

– Жена флешку в поезде купила. А дочка брелок сплела. Мне в подарок, – добродушно улынулся Синебоков, и сразу стало ясно, что у капитана Синебокова отличная и любящая семья.

«Хоть от чужого тепла погреться», – горько заметила сама себе Нина и тут же перевела взгляд на экран, где уже мелькали знакомые и не очень лица.

– Посмотрите внимательно, – официально попросил Синебоков.

– Я и так вам скажу, – рассерженно кинула Нина. – Вот этот справа, – она ткнула пальцем в экран. – Константин Цесаркин, а второго я не знаю.

– Зато его засекли камеры около вашего дома. Наверняка подельник. Надеюсь, мы сможем доказать причастность господина Цесаркина как заказчика.

– У нас его в офисе многие видели, – пробормотала Нина. – Даже Вера Юрьевна может опознать или Калиткин наш. Он этого героя лично из моего кабинета выводил.

Она собралась еще добавить к рассказу подробностей, как из офиса фабрики выносили тело Цесаркина старшего, но дверь кабинета распахнулась и на пороге застыла Верочка. Нина заметила неестественно бледное лицо и тревогу, выплескивающуюся из глаз начальницы.

– Аська пропала, – выдохнула она. – Нет ни на квартире, ни у подружек. И телефон молчит.

– Где пропала? – тут же включился в разговор Синебоков. – Когда последний раз видели или говорили с ней?

– Вчера, – Вера как подкошенная рухнула на стул, заломила пальцы. – Она в Питере живет. Учится там. Вчера с ней говорила. А сегодня телефон не отвечает, а квартирная хо-

зьяка заявила, что Аська месяц назад съехала.

– Дело молодое, – хмыкнул капитан. – Еще объявится! – И уточнил деловито: – Вы Цесаркина знаете, опознать сможете?

– Конечно, – печально махнула толстой ладошкой Верочка и, взглянув на экран, поморщилась. – Да, это он. Подтверждаю. Пусть возмещает ущерб!

– Документы готовим, уголовное дело по факту порчи имущества уже возбуждено по нескольким статьям. Обязательно привлечем его к ответственности.

Вера, словно глядя сквозь капитана, кивнула.

– Как же мне найти Аську? Не случилось бы беды!

– А что ваш муж говорит? – осторожно поинтересовалась Нина, прекрасно зная, что Вера с супругом давно живут раздельно.

– Он уверен, что это наш с дочкой спектакль, чтобы вытрясти из него побольше денег. Идиот!

– Через три дня, если девочка не объявится, подавайте заявление в полицию, – предупредил капитан. – Там быстро найдут.

Нине почудилось, что он собирался добавить «живую или мертвую», но сдержался. По коже прошел мороз от страшных версий, что могло случиться с Аской в чужом городе...

– Может, в «ЛизуАлерт» обратиться, – пролепетала Нина. – Пусть добровольцы подключатся.

Вера решительно мотнула головой.

– Нет, наш папаня наймет детектива в Питере. Хоть это удалось у него выпросить.

Вера встала и на негнущихся ногах пошла к себе. Нине хотелось побежать следом, утешить, но в кабинете еще находился майор, лихорадочно заполняющий какую-то форму, а в сумке зашелся трелью сотовый. И, судя по мелодии, звонил бывший муж.

– Да, Миш, – ответила она на автомате.

– Нулька, – пробасил Ломакин. – Я тут у матери в Тарнаусе пару дней поживу. Можно Ромку заберу с ночевкой?

– Возьми, – разрешила Нина и поспешно добавила, помня о пропавшей Аське – Только глаз с него не спускай, пожалуйста!

И, нажав на кнопку отбоя, с ужасом поняла, что, если что-то случится с сыном, она просто умрет в одночасье. Но как бы ни сложилась их с Ломакиным совместная жизнь, она твердо знала с первого класса, что за своих близких Мишка готов на все. Только как же это получилось, что она сама, Нина Тарантуль, оказалась неинтересна Мише Ломакину?

«Красивая и смелая дорогу перешла, – фыркнула она про себя, прекрасно зная, что та самая женщина некрасива и неумна».

Нина запретила себе думать о вероломстве мужа и, отряхнувшись от грустных мыслей, расписалась в протоколе у Си-небокова. А потом вызвала к себе подчиненных и устроила нагоняй за низкие продажи. Лишь после собрания она поня-

ла, что так и не попрощалась с душкой-капитаном.

– Он сразу ушел? – поинтересовалась она у Анечки.

– Да, – беспечно кивнула секретарь. – Мы все в его бумажках расписались.

– Надеюсь, этого придурка арестуют, – пробормотала Нина. – Совсем распоясался.

Довольный Синебоков вернулся в отделение и сразу отправился к своему непосредственному начальнику.

– Вот, Кирюха, не зря я в офис к пострадавшей съездил! – заявил он торжественно и бросил на стол майору Кольцову стопку документов. – Готовь документы на арест. Этот придурок, мать его, опасен для общества!

– Возьми с полки пирожок, – хохотнул шеф. – Там два, твой посредине. – А потом серьезно заметил: – Хорошая работа, Егор.

Когда за капитаном Синебоковым закрылась дверь, майор Кольцов быстро нажал в трубке на недавний вызов.

– Денис, – злобно рыкнул он на Цесаркина. – Вы там с братом совсем с ума посходили?!

Глава 7

По дороге домой Цесаркину позвонила мать. Запричитала-заохала.

– Ты, оказывается, с этой гадиной в одной квартире поселился. И у вас там мир, дружба, фестиваль, – тяжело вздохнула она. – Как же так вышло, сыночек?

– Мне жить негде, – буркнул Денис раздраженно. Прекрасно, совершенно прекрасно! Его же еще и предателем выставили. – Ты меня к себе непустила, помнишь?

– Я не могу сосуществовать с собакой в одном помещении, – пафосно заявила мать. – Но тебя никто не просит любезничать с этой наглой девицей. Она еще и твою часть заграбастает, вот увидишь!

Денис, прекрасно понимая, откуда подул ветер обид и подозрений, бросил упрямо:

– Квартиру вы с Юлей сами профукали. Вспомни, сколько раз со дня смерти бабушки ты посещала деда?

– Мы с ним поссорились на похоронах, – затараторила мать. – К нему Юля должна была ходить.

– Мама моя дорогая, – хмыкнул Цесаркин. – Делать или собираться сделать – не одно и то же. А зная твою сестру, я больше чем уверен, что все ее посещения сосчитаю на пальцах одной руки.

– А ты сам? – вскинулась родительница. – Адвокат дья-

вола! Вместо того чтобы помочь заполучить обратно наше имущество, нас еще и обвиняешь!

– Обвиняет прокурор, – хохотнул Денис. – А я собираюсь выяснить причины такого роскошного дедушкиного подарка и причины его женитьбы, и если там найдется криминал, то Тарантуль сядет, можешь быть уверена. Но пока истина на ее стороне.

– Ты! – взвилась мамаша. – Ты не смеешь...

– Ладно, мам, пока, у меня встреча, – солгал Цесаркин. – Люди ждут.

– Подожди, – цыкнула она. – Я звонила по делу. У бабы Вари день рождения в субботу. Юбилей. Постарайся приехать. Только без собаки и новой знакомой.

– Яволь, – буркнул Денис и отключился.

Зайдя в подъезд, он поднялся на этаж выше и позвонил в дверь к Аделаиде Петровне.

– Я только на минутку, – заявил с порога и засиделся на целый час. Попивая чаек с прошлогодним вареньем, Денис много чего узнал о людях, живущих в подъезде. Кто пьет, кого отец бросил и как Семен Ефимыч из семнадцатой квартиры борется с болячками при помощи кофейных клизм. Очень познавательно! Наконец Цесаркин не выдержал и напрямую поинтересовался Ниной:

– Вы помните, как она здесь появилась, Аделаида Петровна?

– Ну конечно, Денисочка, – вкрадчиво прошептала стару-

ха, поправляя голубые волосы.

«Мальвина, блин!» – про себя выругался Цесаркин, глядя на белые пухлые щеки собеседницы.

– Незадолго до смерти Татьяны Андреевны. Где-то за полгода. Бабушка ваша с ней в парке на скамеечке сидела. Беседовали о чем-то. А меня увидели, замолчали обе. Вернее, покойница знак Ниночке дала, та и осеклась на полуслове. Потом она в дом приходила с мужчиной каким-то. Я и подумала, что ваша родственница. А когда у Ивана Алексеевича после смерти Татьяны Андреевны любопытствовала... – Старуха замолчала, протягивая кусочек колбаски толстому рыжему коту.

– Сейчас покормлю тебя, Васенька, – заворковала она над наглым кошаком.

Цесаркин нетерпеливо кашлянул.

– И что вам дедушка ответил? – уточнил он.

– Заявил, что Нина – его внучка... И только сегодня Лерочка сообщила, что он женился на Нине этой и квартиру ей отписал. Ужас-то какой! – Аделаида всплеснула руками, собираясь дальше поносить деда.

– Это его воля, – крикнул Денис и направился к выходу.

– Только она ему никакая не внучка, – бросила вслед старуха. – Смысл ему на внучке жениться? Он бы ее просто включил в завещание. Мужики все врать горазды, стоит только кусок свежего мяса рядом увидеть да руки к нему протянуть. Вот и дедушка ваш не исключение. Все вы одним

миром мазаны, – вздохнула она, провожая Цесаркина. Денис считал за благо удалиться, пока противная старуха не переключилась на своего вероломного мужа, бросившего ее ради ее же подружки.

Он как ошпаренный выскочил на лестничную площадку и понесся к себе, пытаясь понять, какая из версий кажется ему наиболее привлекательной. Жена деда или двоюродная сестра?

– Кто вы, доктор Зорге? – пробурчал Цесаркин себе под нос и чуть не врезался в велосипед. Двое подростков с великами отпрянули в сторону, прошептав извинения. Денис кивнул и уже собирался пройти мимо, как мальчишка поинтересовался, добродушно улыбаясь:

– Нашлась собака ваша?

– А? – недоумевающе уставился на него Цесаркин, пытаясь вспомнить, чей это родственник и откуда знает о Герде.

– Мы с вами ночью в беседке ночью встречались, помните?

– А! – кивнул Денис. – Нашлась красавица. А вы тут живете постоянно или квартиру снимаете?

– Живем, в двадцать девятой, – подтвердили «дети».

А мальчик заметил гордо:

– Это нам родители на свадьбу подарили. А сами за город переехали.

Денис про себя посчитал, в какой квартире обитают его новые знакомые. Оказалось, такой же «чуланчик», как и его

собственный, только двумя этажами выше.

– Я – Димка, а это Настя – моя жена, – солидно представился пацан.

Цесаркин внутренне поморщился.

«Твою налево. Только из детсада выпустились, а уже поженились. Это ж надо было так себе жизнь испортить!»

А вслух заметил радушно:

– А я Денис Олегович, живу в двадцать второй. Можно просто Денис.

На правах старшего Цесаркин протянул руку мальцу и, не утерпев, поинтересовался:

– А сколько ж вам лет, супруги?

– Девятнадцать, – хором ответила парочка и заспешила к себе. Денис внутренне содрогнулся и попытался вспомнить себя в эти годы и тех девчонок, с которыми крутил любовь в университете. Ни на одной из них не хотелось жениться. Ни тогда, ни сейчас.

Он ввалился в квартиру и сразу же напоролся на сладкую парочку, дремавшую в прихожей. Герда, его умная собака, растянулась по всему коридору, а сверху на ней обосновалась Фиби-Буффе. Недособака первой подняла голову и залаяла, а следом открыла грустные глаза Герда.

«Ну где тебя носит, хозяин?» – поинтересовалась молча.

– Вот-вот, – загавкала Фиби. – Безобразие!

– Пойдем на улицу, Герда, – признал свою неправоту Цесаркин и украдкой заглянул в комнату бабули. Столовая ока-

залась пуста.

– Сама ее жду, – заскулила жалобно Фиби.

Цесаркин усмехнулся про себя и, подхватив поводок, свистнул Герде. Та понеслась вниз по лестнице, а жеманная Фиби горестно засемила в пустую кухню.

«Где ты бродишь, Арахна? – мысленно поинтересовался Цесаркин. – Нового дедка обрабатываешь?» – И сам задохнулся от возмущения.

Всю прогулку по парку он размышлял о жене деда. Но вот думать о Нине как о своей родственнице даже не смог. Словно ком застыл в горле.

«Ну какая она мне сестра!» – раздраженно подумал Денис, кидая Герде мячик. А уже дома вспомнил, что забыл пакет с продуктами на работе.

«Фу ты ну ты, море ясное! – рассердился Цесаркин, чувствуя, как уши пухнут от голода. – С нее причитается за долбаные сковородки», – тут же решил он и рванул к холодильнику. Выудил знакомый судок с мясом и быстро открыл крышку, намереваясь съесть всего один кусок. Но ошалело застыл на месте. Оставшиеся три куска мяса по-французски украшали пауки и мухи. Пластмассовые, конечно, но есть стряпню Тарантуль разом расхотелось.

Цесаркин расхохотался на всю кухню, пугая собак, усевшихся на пороге.

«Вот же стерва!» – восхитился он чувством юмора Нины и открыл следом банку с борщом. Но между едой и крыш-

кой оказалась вставленная тарелка, на которой величественно возлежала круглая куча. – «Веселые какашки», – хмыкнул про себя Денис, понимая, что больше никогда не притронется к бабулиной еде. Он вспомнил, как лет в семнадцать пугал аналогичным сувениром Верку, младшую двоюродную сестру. Эта дуручка верещала как резаная, а потом нажаловалась матери. Ну и ему влетело тогда.

Денис почувствовал, как внутри закипает злость.

«Зараза, – хмыкнул он про себя, понимая, что сейчас разобьет что-нибудь от голода. – Жалко ей борща и мяса, а сама квартиру захапала!»

Цесаркин быстро передел рубашку и отправился обедать в близлежащий вегетарианский ресторан. Но дурацкая спаржа не понравилась. То ли плохо приготовили, то ли надоела!

Денис вышел на улицу и, кляня жадную Арахну, поплелся домой, намереваясь все-таки затащить в чулан диван из кабинета деда.

Он все еще мысленно ругался с Ниной, обвиняя ее во всех своих бедах, когда в голову пришла идея, показавшаяся ему великолепной. Цесаркин рванул к машине и, дав по газам, полетел по сонному городу на другой конец к однокласснику Славке Косолапову.

Косолапов, нечесаный и немытый, один обитал в огромном частном доме. Может, кто-то бы согласился соседствовать с двумя питонами и одной коброй, но жить рядом с неряшливым от природы Славкой не решился никто. Но Ко-

солапову плевать хотелось на женский пол, и Денис подзревал, что друг так и остался девственником, сосредоточенным на удивительном хобби, в одночасье превратившемся в прибыльную работу. Насколько знал Денис, продажа змей и остальных хладнокровных приносила немалый доход. Цесаркин вспомнил, как внутренне содрогнулся, несколько лет назад впервые увидев, как Косолапов отдирает лапки огромным тараканам и складывает живые тушки по баночкам.

– Зачем ты это делаешь? – изумился тогда Денис.

– А чтоб не разбежались, – легко отмахнулся Славка.

Теперь же, присев на уголок табуретки, Денис равнодушно взирал на похожую экзекуцию, попутно рассказывая про квартиру деда и предательство Шурки. А потом бросил будто невзначай:

– Насыпь и мне в баночку.

– Зачем? – изумился Славка.

– Буду смотреть на них, – удрученно пробурчал Цесаркин. – И понимать, что кому-то гораздо хуже.

– Бери, – удивленно хмыкнул Косолапов и добавил смеясь: – Мне не жалко!

Нина вернулась домой поздно вечером. Темные окна квартиры показались ей слепыми из-за яркой иллюминации у соседей. Даже на кухне и в чулане свет не горел.

«Может, Цесаркин отбыл навсегда? – мысленно понадеялась она. – Испугался приколов из чумовой лавки и сбежал?»

Хорошо бы... – подумала она и тут же опешила, поняв, что лукавит. – Без Герды станет скучно, – жалостливо добавила она и укорила себя. – Разве дело только в собаке?»

Она одернула себя, запрещая думать о Денисе как о мужчине. Только как о враге!

«Дураненой!» – приказала сама себе и, напустив строгий вид, вошла в квартиру, где в коридоре уже ждали два мохнатых чудовища. Фибка и Герда.

По тому, как стоят в холодильнике судки, Нина поняла, что товарищ сосед заглянул в каждый.

«Еще бы на лицо его посмотреть», – хмыкнула про себя Арахна и, поняв, что сильно устала за день, сразу постелила постель и отправилась в ванную. Собаки рванули следом и уселись около стиральной машины, с интересом наблюдая, как Нина набирает воду и разводит пену. Принимать ванну при свидетелях, пусть даже и мохнатых, Нина посчитала непристойным. Она распахнула дверь и строго велела:

– А ну-ка, брысь!

И, закрывшись перед носом у удивленных животных, улеглась в воду, подложив под голову надувную подушку. Сразу же запиликал сотовый. «Облака, белогривые лошадки». Значит, звонит Ромка.

Сын принялся рассказывать, как они с папой завтра пойдут в парк. А еще он забрал к бабушке Наде новый конструктор «Лего», а еще...

– Что ты мне подаришь на день рождения? – поинтересо-

вался Рома без всякого перехода.

– Ммм, – протянула Нина, делая вид, что задумалась. – Не знаю... А что бы ты хотел? Крокодила – носорога? Обезьяну – бегемота?

– Мама-а! Не дразнись, – засмеялся сыночек. – Ну скажи, что?

– Не скажу, – хмыкнула она. – Давай вместе песенку споем или стишок мне расскажи.

– Не хочу стишок, – пробурчал Ромка.

– Значит, поем, – решила Нина.

– Папа, а ты подпевать будешь? – тут же осведомился у отца мальчик и, получив утвердительный ответ, переключил телефон на громкую связь.

– Песня какая? – откуда-то издалека поинтересовался Мишка.

– Давайте про трусов, – предложил Ромка.

– Трус не играет в хоккей? – уточнила Нина и затянула первый куплет. Ей из трубки вторили Ромка с Михаилом.

Денис вернулся домой с полными пакетами еды. Пришлось заехать в круглосуточный супермаркет. И, увидев в коридоре верных подруг, карауливших около запертой двери в ванную, все понял. Из ванной комнаты доносилось пение. Денис прислушался. Слов не разобрать.

«Пой, ласточка, пой», – хмыкнул про себя Цесаркин и, насыпав корма Герде, с удивлением заметил, как нахальная Фибби-Буффе подскочила к миске и принялась грызть сухой

корм. Отгонять собачонку Денис поленился, а тихонько прошмыгнул в апартаменты Тарантуль. Наткнулся взглядом на постель, расстеленную на диване, быстро выпростал из кармана Славкину баночку. И с чувством выполненного долга отправился на кухню и, достав из кулька котлеты из моркови, демонстративно уселся лицом к двери, предвкушая крики и вопли Арахны, беготню собак и даже приезд МЧС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.